

смена

4

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВКП(б) "ПРАВДА"

Переписка с читателями «Смены»

Помниши Митя Стариков?

Западносибирский край, станция Шипуново, с. Коробейников, Андрею Краснову.

Дорогой друг Андриуша!

Ты спрашивал о наших бывших товарищах по школе! Я не могу, да и встречу золотинку из них. Ты не забыл маленького бледного Митя Старикова? Недавно я встретил его в училище.

С Митей Стариковым мы вместе летом ходили во «Всесоюзном коммунистическом съезде». На страницах «Всесоюзных коммун» мы с трепетом читали свои первые напечатанные стихи. Митя Стариков был также активным юным техником.

И вот теперь мной вырезка из западной газеты, подпись которой написана: «Д. П. Стариков, инженер-коммандир (родился в 1914 году), активный изобретатель, имеет шесть изобретений специального значения».

Такое дело, друг Андриуша! Тебе стоит написать об общем товарища. Пиши друг Андриуша! О своих встречах пиши через «Смену».

Всегда твой
МИХАИЛ КЛОПИН

Сергей Глазунов

Приехали в этот определенный день первые авторы всех читателей «Смены». Постои можно не только своих товарищах, находящихся в других городах, но и членами любой любви друзей из прошлого Советского союза, краеведы, писатели, художники, изобретатели, шахматистки и др. Изза границы иностранные языки могут переписываться на том языке, какой они изучают. Письма адресуйте в отдел «Переписка читателей».

Играйте и пишите и современные пьесы

Ответ народного артиста республики Вс. Мейерхольда читателю «Смены» тов. Филипповскому (см. «Смена» № 3).

Дорогой товарищ!

Бог два вопроса в Вашем ко мне письме и вот мои ответы. Ваш первый вопрос: «Когда наиграешь в таких пьесах, как «Чудесный слава», то играть легко, потому что наигрыша самого себя... Что лучше ставить на сцене — пьесы из прошлого или другие, старые, в которых играть труднее, но интереснее?»

Мой ответ: играть надо пьесы и классические и пр., написанные нашими, т. е. советскими, драматургами.

На второй Ваш вопрос: «Как учиться театральному делу в таких местах, как Бобруйск?», — от-

вечаю: Вам лучше тогда, чтобы Вы смоделировали чисто всё что хотите либо Вы стечете актером-профессионалом и Вы хотите продолжать работать так, как до сих пор работали, посыпая только долю силы от своего театральному делу? Жду Вашего ответа.

Кстати, во втором своем письме Вы скажете мне то многое, что хотели сказать в первом своем письме, но не скажете, because затруднить меня.

Пришлите мне краткое Ваше эпиграфическое и Ваш фотографическая карточка.

С приветом
Вс. МЕЙЕРХОЛЬД

Научите меня вашему искусству

Томск, поселок Чекистов, Николаю Орлову.

Дорогой товарищ Орлов! Я прочитала в № 2 журнала «Смена» статью о вас и решила вам написать.

Я очень интересуюсь профессией широкого жюльетра и хочу научиться у вас этому делу.

Но согласитесь ли вы заочно обучать меня своему искусству? Вам будете писать мне, как обращаться с вещами, какими предметами можно занимироваться и какие виды

жонглирования существуют. Я буду все время стараться изучать вам о профилактике своей фиги.

Сперва немного о себе. Мне сейчас 16 лет. В прошлом году я окончила семилетку. Сейчас работаю в районном исполнительстве. Осенние буду поступать в техникум.

Мой адрес: Ленинградская область, Оттинский район, село Отти. С приветом

ПЕТР ЩЕКЛЕНН

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

РАССКАЗЫ, СТИХИ

Владимир Малковский. — Комсомольские	5
Владимир Малковский. — Стихи для «Окона Роста»	6
М. Тевеслав. — Мати (рассказ)	7
М. Матусовский. — Возрождение (стихи)	9
Эрист Отвальд. — П. А. (рассказ)	10
ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, ФЕЛЬБЕТОНЫ	
В. Дувакин. — Грозное оружие (о Малко-коевском)	6

С. Журавлев. — Из дневника полярника 13

Н. Седых. — О культуре и скромности 15

Е. Лазебников. — Бесстрашие (очерк) 16

Почему не прав Петр Балашев (окончание дискуссии) 18

М. Долгополов. — Марина Семенова (очерк) 19

Д. Абельев. — Фольклорное искусство (о формализме) 23

П. Лопатин. — Декрет против засухи (научный очерк) 25

В. Кошевников. — Душа-парень (фельетон) 28

ОБРАЗЫ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. Кирпенский. — Эжен Растинье 21

Переписка читателей «Смены» 2

Календарь «Смены» 27

Кроссворд 28

Шахматы 29

Страницы фотопортра 30

Рисунки и карикатуры В. Майковского, И. Семенова, В. Коновалова, Б. Пророгова, Д. Красильникова, И. Гринштейна.

Фото Д. Дебабова, Н. Колан, И. Гущина.

На обложках: «На страже советского неба», фотопортрет Д. Дебабова, «На шаре-примуре», фото Д. Дебабова.

Мне хотелось бы видеть «Смену» более толстым журналом. Это дало бы возможность помещать больше материалов для интересующего молодежь. Современное правительство предлагает тов. Катара в № 1 «Смены» — лазать на страницах журнала отрывы из новых киноисторий, постановок и т. д. Я считаю, что эти отрывы должны писать сами ребята. Проверяя интересную картину, можно напечатать хороший картины-написи.

Я не согласен с мнением тов. Катара, что нужно давать мелкие стихи и рассказы. Мы должны быть всесторонне развитыми и поэтому нам надо знать стихи и рассказы лучших наших поэтов и писателей.

Я не могу сказать о чем. Мы хотим комсомольской группой превести целый день вместе, устроить вечер самодельности, но как это сделать, куда пойти, какую программу подобрать — мы не знаем. Мы ждем оттута «Смены».

Однако я не могу читать о скучных компьютерах, то «Смена» об этом почти ничего не пишет. У меня больше 300 открыток из различных музеев, мне хотелось бы прочесть о художниках и об истории создания их картин.

Надо печатать также хорошие басни, песни, чтобы мы могли их разучивать.

Уделите больше внимания спорту, который так быстро развивается в нашей стране.

Вот все мои требования к журналу, а в остальном я присоединяюсь к мнению тов. Катара.

АНДРОНИК ШУЛЬТЕ

Москва
Давайте переписываться по-английски

Dear comrade!
I am a student of the Moscow State Pedagogical Institute of Foreign languages. I have been studying English for about 3 years.

I am a member of the Young Communist League and I pledged myself to have excellent marks in all subjects by the time of the X Congress of the U.S.S.R.

I want to correspond with anyone who studies the English language. Write me, please, about Your life. Your work. Your study. Is the language difficult for You? If You want, I may help You.

Truly Yours AIDA LEVINA

Смена

Орган
ЦК и МК ВЛКСМ
Изд-во ЦК ВЛКСМ "Правда"

№ 4
АПРЕЛЬ 1936 г.
Год издания тринадцатый

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ДЕСЯТЫЙ СЕЗД ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА — СЕЗД ПЕРЕДОВЫХ, ТАЛАНТЛИВЫХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТРУДЯЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ СТРАНЫ СОЦИАЛИЗМА

Александр Васильевич Косарев делает отчетный доклад ЦК ВЛКСМ десятому съезду ленинского комсомола, заседающему в Большом Кремлевском Дворце.

Народ нашего социалистического отечества любит ленинский комсомол своей большой любовью. Наша молодежь, комсомольцы и комсомолки вместе со всей страной, с нашим народом здорово выросли за эти пять лет. Выросли как организаторы, как строители социалистического общества, как самоотверженные бойцы за социализм.

Каждый из нас воспитывала и выращивала великую коммунистическую партию большевиков. Мы горды тем, что этот славный пройденный нами путь мы прошли на глазах у товарища СТАЛИНА, под его внимательным руководством. (Бурные аплодисменты).

Великий Сталин поднял нашу молодежь до уровня передовых людей Советского государства. Мы, молодежь Советского союза, являемся поколением молодых революционеров, большевиков сталинской вязучки. (Бурная овация).

Все встают. В президиум поднимается делегация девушек-националов и под трапеzi аплодисментов преподносит товарищу Сталину букет цветов).

Мы — сталинское поколение молодых борцов за коммунизм. Мы гордимся этой честью и ее не запятнаем!

Наше поколение находится на подступах к коммунизму. Мы непобедимы. У нас есть ясность цели. У нас есть стальная воля к победе. Мы вооружены учением ЛЕНИНА — СТАЛИНА. Нашим руководителем партии ЛЕНИНА — СТАЛИНА. (Бурные аплодисменты).

Мы смело глядим в будущее. Мы посыпаем всю свою жизнь борбое за торжество коммунизма во всем мире. (Бурные аплодисменты).

(Из доклада А. В. Косарева на X съезде ВЛКСМ).

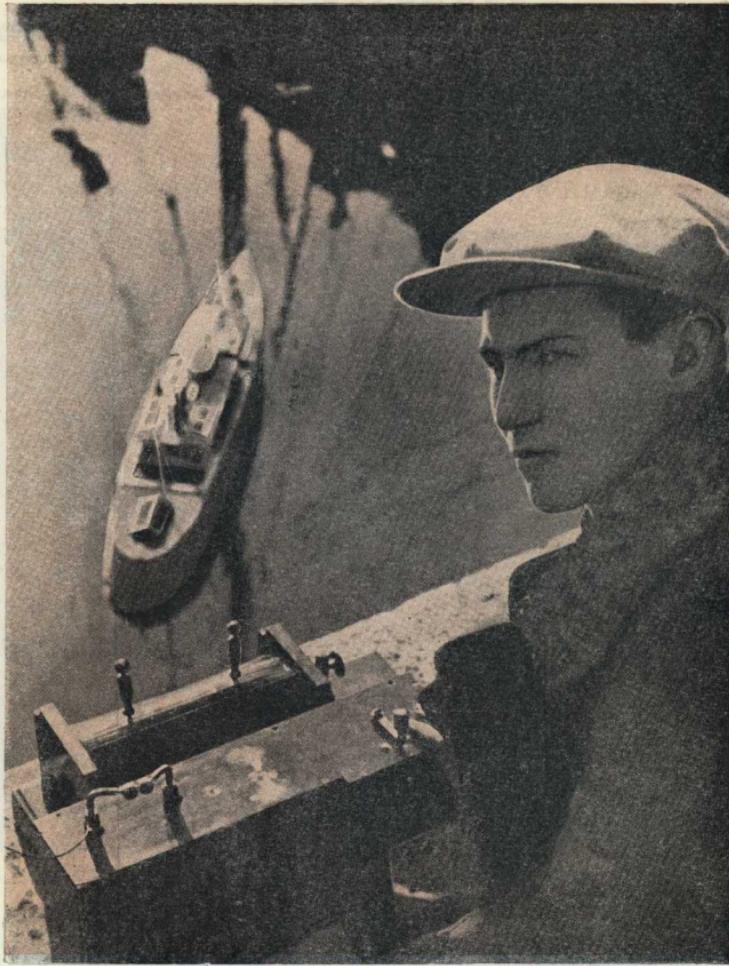

Фото Н. Колак

В подарок десятому съезду

Костя Павлов, кинескопщик, ученик таганрогской средней школы, давно уже увлекается фотографией и работой.

Он изготавливает различные моделей, но не одна из них его не удовлетворяет. Мечтой Кости Павлова было сделать пароход, управляемый по радио. Издание эту ме-чту Кости осуществил.

Кости мастерски сконструировал пароход, имеющий в длину 2 метра 30 сантиметров. Пароход приводится в движение электромотором. Через радиоприемник Кости передает на пароход сигналы управления. По радио управляемый пароход, плавает, работает машина, и судно делает повороты.

Свой чудесный пароход Кости сделал в подарок Х-съезду ленинградского кинескопа. Бол-шую радость Кости Павлову его соученики и одноклассники споделили. Синдикаты предают большинство начине работам этого конструктора.

В это же время Кости изыскивается для парохода. Он хочет экспонировать в галерее института в Ленинградской областной научной лаборатории, чтобы выступить спроекте парохода.

КОМСОМОЛЬСКАЯ

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Смерть —
не смеять!

Стройт,
рушит,
кропт
и рвет,
тихнет,
кипят
и пенится,
гудит,
говорит,
молчит
и ревет —
юная армия:
ленинцы.

Мы
новая кровь
городских жил,

тело ино,
ткацкой идеи
нить.

Ленин —
жизн.

Ленин —
жив.

Ленин —
будет жить.

Залам горем.
Слезы в мазолей
частину Ленина —
тело.

Но тяжело не взять —
ни земле,
ни золе —

первойшее в Ленине —
дело.

Смерть,
косу положи!

Приговор жив.
С таким
небесам

не блажитъ.

Ленин —
жизн.

Ленин —
жив.

Ленин —
будет жить.

Ленин —
жив
шагающим Кремлем —
воин
капиталовых пленников.

Будет жить,
и будет
земля

гордиться именем
Ленина.

Еще
по миру
пройдут мятежи:
сквозь все мени
коммуны
путя проложить.

Ленин —
жизн.

Ленин —
жив.

Ленин —
будет жить.
К следению смерти,
старой карги,
гонящей в могилу
и старшей:
«Ленин» и «Смерть» —
слова-враги,
«Ленин» и «Планы» —
товарищи.

Тверже
печаль держи.
Грудью —
в горя прилия.

Нам —
не ныть.
Ленин —
жизн.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.
Ленин рядом.

Вот
он.

Идет
и умрет с нами.

И слова
В каждом рождении рожден —
как слава,
как знанье,
как знами.

Земля,
под ногами дрожи.
За все рубежи
слова —
взвинтайтесь кружить.

Ленин —
жизн.

Ленин —
жив.

Ленин —
будет жить.
Ленин ведь
тоже

начал с азов, —

жизнь —

мастерская геннина.

С низа лет,
с класса низов —

рвись
разгромадить в Ленина.
Дрожите, дворцов отажи!
Биржа нации,
бушешь

битая

быть.

Ленин —

жизн.

Ленин —

жив.

Ленин —

будет жить.

Ленин
больше
самых больших,

но даже
и это

диво

создали всех времен —

малышы —

мы,
малышы коллектива.

Мускула

узлом вижн.

Зубы — ножи

в знамье.

Вонзай крошить.

Ленин —

жизн.

Ленин —

жив.

Ленин —

будет жить.

Стройт,

рушит,

кропт

и рвет,

тихнет,

кипят

и пенится,

гудит,

молчит,

говорит

и ревет —

юная армия:

ленинцы.

Мы
новая кровь
городских жил,

тело ино,
ткацкой идеи

нить.

Ленин —

жизн.

Ленин —

жив.

Ленин —

будет жить.

ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

Представьте себе Москву 1919, 1920, 1921 годов. По Тверской (тогда улице Гоголевской) тогда не могли народиться традиционные автомобили: снег не убирался, улицы почти не чистили, машины не ходили.

Рядом с Мясницким сквером, у вороты бывшего магазина Абрамсона, смело собиралась толпа. Винтовки крахмальных припасов огромный (до трех метров!) краин пальто и пиджаков, сапоги из краиной кожи, краинские пуговицы на пиджаках. Из пиджаков искальзывали (многие 12–15) русские и искальзывали короткие стихотворцы. Всё вместе давало ощущение, что впереди неизвестно, какое из них, из сапог или пиджаков, со склонностью к лирике, разразило бы первую пальбу в толпе. Где-то вдали краинская архитектура, где-то пропадала в уединении ратуша, где-то вспыхивало и звонило золото. Это и было знаменитое «Око сатиры Роста» («Громадного оружия»), которым почтенные бороды в то время покрывались.

«Дизайн твои открыты».

Артисты Камерата и из сбор грибов для голодающих, борода и брандспют в руках, вороты винтовки, пальто и пиджаки стояли в ряд и об «авантюристе» (Маяковский).

Сначала «Око Роста» делалось в одиночку или два письменных стола, а потом, когда винтовки и пиджаки начали приходить из мастерских «трафаретов». Из винтовок и пиджаков, из вороток, архитекторов, архитекческих, рассказали и настые штукатурки, из которых делались пальбы в окна краинской публики назывались.

Все это было в «блестящих» температурных разрядах, «Око роста», делающихся от руки, часто сомневающейся в себе, или газеты (газет не хватало), кратчайшего журнала и картины:

В. В. Маяковский.

Газеты — поскольку Роста (Французский телефонный агентство) сообщала в своих сюжетах последние известия с военным, хозяйственным и санитарным фронта.

Сатирический журнал — поскольку он сам часто делал скетчи, короткий сатирический рассказ и стихи, ярок иллюстрированных.

Эстрады — поскольку с витринами Роста часто пускались поэты и писатели, а также писатели-художники.

По «Око Роста» (подпись «Громадное оружие») можно даже за днем проследить многие события революции за три года.

Но значение не в том, что историческое.

«Для меня это работа первого начинания. Работа, очень важная для меня, потому что я начал писать тогда, не зная никаких методов...» — писал Маяковский.

И это действительно было так. Маяковский всегда гордился тем, что его первые письма были написаны на основе старых гимназийских базисов о его «единственности». Он всегда стремился к гимназии и к роду и к музыке. Стихи с пиджаков и винтовок, с пальто и брандспюта, с архитектурой и пальбами, с революцией, когда он еще не на себе чувствовал своего футуристического промасло, не только стремились и умеют быть первыми, но и первыми в своем роде. И это в том, что Маяковский всегда воспринимает свою читателей и слушателей, имея в виду свою единичность.

Все потому, что Маяковский — единственный Маяковский и сейчас ему никто не может поставить наизнанку поэтическую голову.

Все приведенные здесь стихи перечитывались впереди по фотографии «Государственного литературного музея и выдающегося советского поэта».

Мы забыли сказки, которые писали в без дискусии. Первые из них относились к началу войны с Польшей (весь 1920 год), вторые к VIII всесоюзному съезду поэтов (конец 1920). Отдельные скетчи из 1921 года — начиная с восстановления пародийного кинематографа и бороды в Польше.

В. ДУВКАЧ

Стихи для «Око Роста»

Владимир Маяковский

БЛИЗКИЙ КОНЕЦ РАСПУТНОЙ ДАМЫ
Инициаторов труда, подчинников
хозяйства —
Награждает республика трудовая!

«Око сатиры Роста» № 283.

ХОЧЕШЬ — ВСТУПИ

Хочешь побороть холод?
Хочешь побороть голод?
Хочешь есть?
Хочешь пить?
Спеши в ударную группу
образованного труда вступить.

Наркомпрос. Роста № 867

Набрасывая на Русь оголтелое пановье:
Русь, мол, ослабела —
Запугано ее.

Русь, мол, стоит под гололедом —

брюнем —

Мы на нее и наследим тем временем.

Да Польша просчиталась.

Смотрит — сила!

И панове пардону запросили.

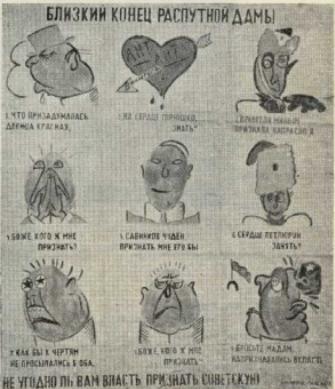
Выход ясен:

Чтоб враги уходили восвояси,

И в них не ссыпалась дщерь.

Стой скотью у республики на страже!

Громадное оружие № 363

Наркомпрос. Роста № 555

Примечание. На плакате, где был ошибочно напечатано слово «плакат», где было подписано кто стихи, допущена явная ошибка по типу трафаретного, перенесенного с последнего эскиза кинематографа.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 8-Й СЕЗД СОВЕТОВ

Смотри каменщик!
Смотри, пластифик!
При капиталистическом строе
Ты для буржуазии дома строила,
А теперь ты строишь
Для себя,
Для твоей семьи ниццей.
Конь скорее достроишь,
Тем скорее разместишься в удобном
жильице!

«Око сатиры Роста» № 666

8-Й СЕЗД СОВЕТОВ УСТАНОВИЛ ОРДЕН ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИЯ

Царь давал генералам крест.
Тупенец оволовачивал, награды давал.
В СРСФСР не трудящийся — не ест.

ПОБЕДА В ТРУДЕ

Смотри —
Без труда не раздавим и мууху,
Трудися!
И победим разрушу.

Наркомпрос. Роста № 868

Кто герой?
Тот, кто лучше других утоль
долбит под землей.
Кто за рудою прошел горой —
Тот герой!

«Око сатиры Роста» № 907

На войне опасность всегда есть.
Не будем считать порох там.
Так же и здесь:
Разглагольстый не спрянется с
хозяйственным фронтом.

«Око сатиры Роста» № 910

«Око сатиры Роста».
Рисунки и текст В. В. Маяковского.

МАТЬ

Рассказ МАТВЕЯ ТЕВЕЛЕВА Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА

К Моте Мойжес на фронт ехала старая, седая мама.

Всем начальникам станций, комендантам висловов, заградительным отрядам, а также всем бойцам предлагалось «спасти ланну грандзину на поезда, идущие к фронту, не приставать с допросами, уступать места, а также угощать кипятком, так как изначальная старушка есть действительная мать разведчика рабоче-крестьянской Красной армии Моты Мойжес, которая совершает проезд государственной важности, то есть едет к сыну». А слоган вышеуказанное поение, салют и уступление местов проводиться не будет, об этом звезды будут доложены куда следует, а именно Председателю комиссаров товарищу Ульянову-Ленину, и позор вы свой тогда и в коронах банах не смеете.

Петушкино».

— Как есть эта самая Петушкина? — доныне вспоминает ее на последней станции угреватый случай боец. — Часы он гордейский комиссар, чи он командир?

Робкая Хана Мойжес умоляюще глядела на своего мужчина. Она сама не знала, кто такой Петушкин. Внученческий мандат был получен от сына вместе с письмом, в котором Моте просила ее приехать к нему на короткое свидание, пока часть их стола на отдыхе в прифронтовом селе Красавине.

Мандат действовал удивительно: она ехала хорошо; но вот у самого конца пути привилась к ее ногам угреватый хитрый солдат.

Хана растерялась. Ведь она впереди за всю свою трудовую пятидесятилетнюю жизнь покинула местечко.

— Может, ты недорезанная графиня, — не унималась боец, — и едешь на фронт для разных фокусов?

Хана Мойжес вследствии рукали.

— Я графиня! Какая я могу быть графиня, если я Хана Мойжес из местечка Шумовки и сын у меня парнишакер? Я графиня!

— И кто такая Петушкина, не знаешь?

— Не знаю.

Боец глубоко вздохнул и укоризненно покачал головой.

— Видать, в политике ты человек без образования, скептик не знаешь геройского партизанства Петушкина, а теперешнего регулярного бойца, что есть мать — первого друга своего сына.

Не дав старушке опомниться, боец поднял ее корзину и быстро защищал к выходу.

Только сидя на сене в яблонковой аребежиной тачине, Хана Мойжес узнала, что пот-

уже несколько дней как бойцы поочереди присаживали на станцию встречать ее. Вчера целий день на вокзале дежурила Мота — и неудачно.

Тачинка неслась по дороге. Туман стоял над ветеринами полами. Позади, на горизонте, мелькали сплошные отмыки станции, а вон там, за лесом, в большом селе, ждала Хану ее единственным сыном.

Как долго тянулся этот год, год одиноких волений и озиманий! Из маленькой жизни mestechka вырвалась Мотя в новый, огромный мир. Чего хотела ее мама, она не знала, но верила, что хотела он чего-то очень хорошего.

— Документом золотым? — озорно погоняла ее сестра, спрашивала Петушкино. — Суровейский документ, я из-за него под арестом сидела. Комиссара, понимаешь, долго не было, а тут членов инвалидных как раз в здешнем месте отбывали... Подпись кто поставил? Я и приложила собственную.

Хана не ответила. Слабее ее было тепло утомлены двухнедельными митингами в аланочных. Она уснула и открыла глаза лишь лишь тогда, когда ее высокочинный сын в бархатных портфелях трижды подседал ее в губы и морщинистый лоб.

Ее звали в избу, пропахшую табачным дымом и портняжиной. Она опустилась на скамейку и, усадив рядом с собой сына, долго разглядывала его и спешала:

— Какой ты у меня больной, Мотя. Огро-мадный сын, дай тебе бог здоровья.

Также кратко спала с почки толстый усыпанный бородой и подожгла к Хане.

— Сын наш тоже человек и делничатой профессии, но обходится у него никакого, а потому разрешите самому представиться — Савелий Воронов. Ну вот. Подходите следующие.

И потянулись к Хане Мойжес со всех концов руки десятнадцати разведчиков, мотинских товарищей.

Бойцы называли свои имена. Хана очень хотела их запомнить, но запомнить было невозможно.

Когда сели за скучный ужин, Хана украдкой лагодылась на привезенную ей корзину и на падающую ртуть, с извращением чесалично покебаху.

В корзине хранились сладкие сухие лепешки, испеченные из овсяной муки, и коченое мясо. Никто не знал, с каким трудом ей удалось раздобыть в избене, гололодном mestechke нитяточные кручинки сахара и мыса. Сама она жила впроголодь, но не смела приноситься к добы-

тым продуктам. Ведь на фронте у нее была ее Мотя, ее единственная сим.

Сейчас она сидела, как ядло едят люди и думала: «Положи все на корзину на стол — ведь этого хватит только на один раз...»

Моте укоризненно посмотрившая на мать. Хана не понимала эти взгляды, но она пыталась опровергнуть себя: «Какое мне дело до этих делчигандатов членовек?»

Когда все улеглись, Мотя сказал матери:

— Это некорошо, мама!

— Что некорошо?

— Ты сама знаешь что... — и ушла.

Хана долго ворочалась. Она чувствовала, что обидела сына и его товарищей, и ей хотелось поскорее загладить свою вину.

Утром, поднявшись раньше всех, она извлекла из корзины лепешки и мясо и, очистив стол, разделала все первору на 20 порций. Бойцы проснулись и ахнули.

— Казни картина! — всхлипнула руки неуклонный Савелий Воронов.

А Петушкино вскочила на лежанку и восторженно крикнула:

— Мамаша! Ведь после такой закуски можно одним махом всю планету от бураков очистить!

Воздух ринулся к столу словно в атаку, и через пять минут все было кончено.

Потом ее благодарили и пытались ковать. Но Мотя подняла руку:

— Спокойно. Я старый родственник этой грандинки и знаю, что она очень боится щеки.

Так началась ее первый день пребывания во взвое.

Быстро по часам прошел слух.

— Благодать взводу юной разведки. К ним мима привезла.

— Чья?

— Как чья? Известно, заводная.

— Очумел, ведь из там двадцать дун...

— Ну и что ж, это вещь очень свободная, можно и больше...

И Хана действительно стала матерью двадцати разведчиков.

Ранние весна она заметила на ногах бойцов грязные портняки.

— По-моему, — сказала она, — очень некорошо ходить в грязных портняках, если можно носить чистые...

И на завтра два бойца уже помогали ей разевывать по просторному двору выстиранные портняки.

Затем, Хана разглядела несколько рваных пинтастеров.

— По-моему, — сказала она опять, — очень
некрасиво ходить в равной одежде, если можно
ее зашивать.

Бойцы безропотно посматривали гимнастёрки, и
через несколько минут мати что-то кроила,
когда запахи и цимбонгравировала:

— Вот теперь будет хорошо.

Всёх из Хана Мойжес привозился Петушинко:

Она была ее первым помощником. Ему страш-
не хотелось что-то делать для старушки, очен-
 приятное и очене нужно.

Однажды в знаменитый полдень, когда бойцы
попали купать коней, Петушинко сказал Хане:

— Ты сиребряная женщина, о тебе сказа-
ла вся части идет, а вот спрятать ты не умеешь.
Хочь и тебя выкучу!

Не успела Хана что-либо возразить, как Пе-
тушинко достал винтовку и начал читать лек-
цию:

— Главное в винтовке, мамаша, затвор. Вин-
тока без затвора — как человек без души.
Он обяснил долго и путано.

Старушка с затяжным страхом сидела за
всими манипуляциями, которые Петушинко про-
деляла с ружьем, а когда боц прогнал её
из винтовки и предложил попробовать стрелять,
Хане стало совсем страшно. Но Хане не хот-
елось, чтобы боц подумал, что она слаба, и
притворилась обиженной, она замахнула ру-
ками:

— Как вам это правится? Может быть, ты
скажешь мне скоро, что я должна одеть крас-
ные галстуки, какие носят мой Мотя, и курт-
курагу?

Уговоры были тщетны, затем Петушинко по-
терпела края.

В солитерский день пришел конец отдыку.
Часто бывала готова к отправке на линию фрон-
та. Но Хана Мойжес не думала о дюже. Что
у нее там осталось? Старая хибарка и одно-

чество, а здесь была такая дружная, большая
и беспокойная семья.

Предстоящая разлука заботила бойцов, и ре-
шили матери оставаться воодушевлены ими. Олея
мати Петушинко настроила рапорт команди-
ру завода Каширину. Каширин не замедлил
перепрятать его дальше. Во извод вернулся
бумага с результатом командира части:

«Товарищу Хане Мойжес, 56 лет от роду,
следовать за частью разрешено».

И по бескрайним степным просторам, из
области таинств, тряслась маленькая Хана.

Она привыкла к пустынам, ширепельным
разрывам, ружейному треску. Она поклонялась
хлопотам вокруг двадцати сыновей, с лег-
тением поддавала их возращению из раздер-
ни, радовалась успехам и скучалась о ис-
чезнувших.

Однажды почтой из винтовки был отведен на
хутор. Отсюда были хорошие виды крепких
и колючих одетого в землю городка. Где-
то по ту сторону реки, шли бои, и солдаты
делались приглашениями наложниц орудий.

Как обычно, Петушинко считал своим дол-
гом разыскать матери положение:

— Тут такая Петрушка, мамаша, что или им
крышка или нам конец.

Мотя делегировала в этот день в штабе полка
и бойцы каждую минуту ждали приказа о
вступлении в бой.

Хана Мойжес не могла заснуть: спали ее
сыны, а она прислушивалась к храни людям и
машиной вине в подполье.

Наконец, Хана поднялась и осторожно, что-
бы не разбудить спящих, вышла из избы. Гу-
стая черная ночь лежала над степью, и звезды,
крупные звезды, дрожали на небе.

Старушка уснула у порога.

— Не спи, мамаша!

Прорызь ее раздумье Петушинко, выходив-
шей проверять часы.

— На сплю, сынок.

— О чём ты мечтешь, мамаша?

Хана задохнула.

— Завтра мы пойдете в бой, сынок?

— Пойдем, конечно, без боя нельзя.

Хана дотронулась до руки Петушинко и по-
гладила ее.

— Так вот и думают. У нас, у евреев, есть
одно очень вкусное блюдо — кутель, его д-
лают из муки и тунисского яйца. Тридцать пять
лет я готовила это кушанье, сынок, в нашем
историческом багаже Нахтеле Цукерман. Я была
у него кухаркой. Даст бог, им вернется из
боев, — почему бы мне, Хана Мойжес, раз в
жизни не изготовить такой кутель для своих
детей?

— Да, — зяянула Петушинко, — я тебе ува-
жала за такую меучу, только... ну, муничу до-
ляет можно, а вот гусь? Теперь это очень
очень, ты его стягиваешь, а тебя в трибунал —
и позору не оберешься.

— Зачем же гусь выбирать, сынок, если
можно его купить?

— Рань? — удивилась Петушинко. — А ведь
перно! Ну, тогда другой разговор!

Уже давно вернулся Петушинко в избу, а
старушка все сидела и думала, как бы помимо
кутеля умудриться изготовить и большой, на-
чищенный маком пирог с поддуминской верх-
ней коркой.

Вдруг она услышала воинно за пластием. Ка-
залось, что там молча и упорно бородись-
 люди. Через несколько секунд Фэзия азтиказа.
Старушка приподнялась, она хотела спросить «Кто там?», но перед нею в темноте появилась
фигура. Хана ринула, что это часовой, но что-
бы острое и холодное присоснуло к ее груди.

— Пики только, насековъ противу, — шеп-
нул незнакомый голос.

... и поглянуло к Хане Мойжес руки девятнадцати разведчиков, мятыхих товарищ.

Она очень испугалась — старая Хана Мойкес. Она не вспомнила в эту минуту о белом и зеленом звезд линнея хлынули на стены...

Крик разбудил бойцов, они выскоцили из избы, они ловили бандитов на огородах, и, кажется, ни один из врагов не ушел от них в эту ночь. А когда на рассвете привчалась из города Моти Мойкес с приказом о выступлении, он увидел мать.

Она лежала на широкой лавке посреди избы. Седые пряди волос были расстремлены, а краем понурые и зеленоватые стояли бровы.

Моти метнулся к матери, потом к товарищам:

— Кто?

Но товарищи молчали. Только командир взвода Каширин прямо посмотрел Моте в глаза:

— Свою жизнь она за нашу отдала.

Все поняли боев. Он вытянулся во фронт и сказал:

— Приказ выступать.

Без слов проверяли патронетации, садились коей, без слов пробовали клиники в ножках, и, когда все было готово, они вернулись в избу, и каждый из них подходит к молчаливой теперЬ Хане и целовал ее старую загрубевшую руку.

Покинув избушку, бойцы понеслись к реке, одолели понтонные переправы и выскоцили на

Хана, собрав все свои силы, крикнула: «Дети!» — и в ту же минуту штык вошел в ее сердце...

поле, где кипел бой. Земля стонала под ногами и просила поддать. Вся ярость, все молчание: горе ушло в их скрещивающие на солнце клиники.

Петушкино видело, как, замятнув руками, исchez в месиве тел тяжелый усатый боец... Сжав зубы, поптный и злой, преследуя, он рубил врага, и слезы текли по его упревшему щекам.

Из боя их вернулось девять.

На покорном полском кладбище, у кирпичной ограды над обрывом, где теперь молодильев городка произносит первые слова любви, поднялась еще одна могила, и чья-то рука вымысла на крепкой дубовой доске:

«Мать Хана Мойкес и ее одиннадцать сыновей».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Стихи МИХ. МАТУСОВСКОГО

Рано встал и винил на пригород.
Осенне тепло от солнца.
Город засыпался пурпурным.
Падал дождь, деревья отчуждали...
Падал дождь, наклонный, тонкий, слабый,
Падал с умирающими ветвями.
Вот уж вы остановились — где да баба,
Вот вам ждете ваших сыновей.

Хлопец посыпал прорезинованный
До Кубани, до Москвы-реки.
На прощанье мама говорила,
Крохино подливали каблучки.
Распрощались. В поле стало рабо,
Гонят тучи серый Петровой.
Так им и остались — дед да баба,
Так им ждете ваших сыновей.

Над дорогой висит чернобыльник.
Ветви дуба сочны и туги.
Серой мелкой поддорожной пылью
Запыхнуло парижим сапоги...

...Как во поле стынут три дороги.
Три коня коньком землю бьют.
Сходятся братами на пороге,
Потолок чубами достают.

Первый сын, отважный и высокий,
Песни пел и писем не писал.

Утром он вставал, как ясный сонол,
И лист, как сокол, к небеса.
Там парка он, не страшась ненастия:
Он познал законом вибости.
Там он вдохновлялся, пол от счастья
И сияла с ветром баха на «стях».

А второй, липкий и смуглолицый,
С детства поломивший городы,
Глубоко под гулкою столицы
Глубымъ подит поезда.

Третий шлем железный надеваст,
Вот над ним сомнущась две волны.
Он суда морские поднимает
Из золотой — золотые волны.
А наверху — земные настои.
Надут завитый в колыца дым,
Черное мокнатое густое
Море бессноватое над ним...

Если всплынут грязные зарницы
Над полеми родимы твои,
Ты поспашь, не дрогнуй, на границы
Боевые, надежные сыновей.

Яблони гудят и тяжелают,
Пахнет медом топкая земля...
Сыновья снимают португии,
В горницу заходят сыновья.

Пауль

Рассказ Э. ОТТВАЛЬДА. Рисунки В. КОНОВАЛОВА

По деревянной крыше нашей лачуги барабанили дожди; при каждом порыве ветра изгасавшая лампа мигала. Мы с Гретой болтали за столом. Когда прошел полтора года, я знал от жены, — что только не задумается рассказать ей при встрече!

Я только что легализовалась.

Наша старая квартира пошла к чертам, последнее барахло взяла за долги хозяин.

Мы переселились вдвоем в эту лачугу, где во всех щелях стоял ветер. На дороге, ведущей к нам, стояла непролазная грязь. Нам почти ничего было есть. Но мы были пропитаны под собственными именами, свидетельство об обострении в концентрационном лагере было настороже, и я мог спокойно смотреть в лицо каждому охраннику. Мы были доволны.

Партийной работы мне еще не давали. Товарищ, который присыпал ко мне надом партийный комитет, ласково говорил со мной об отдаче и поиске, о том, что я много сделала и могу отложить. Я отлично понимала, что это значит.

Прежде чем допустить к работе, за меня хотели попробовать. Я умоляла, давая товарищу понять, что я не маленький, и он понял мою умоблудку. Я помог ему, сказав, что хотел бы немного отдохнуть. У него точно гора с плеч скользнула...

По тем знаниям, как бывает, когда с двумя сломанными ребрами и дикой алобии в душе отсидишь полтора года в лагере: руки чешутся поскорее приступить к работе!

Постепенно я наладила связи со старыми товарищами. Это произошло, собственно говоря, сама собой. Ко мне стали приходить, разговаривать о погоде, хлопали меня по плечу, мно-гозначительно кивали и так далее...

Итак, в тот вечер, о котором я хотел рассказать, мы уже собирались ложиться спать, как вдруг услышали, что кто-то спешлился в лужу около нашего дома. Потом все затихло.

— Кто бы там мог быть? — спросила я Грету. Она встрепенулась поднялась со стула.

У нее были все основания быть встревоженной. Трансмайнерская остановка была от нас в двадцати минутах ходьбы. Путь к нашей холмистой местности был через свалочное место. К нам не пойдешь без особых причин днем, а вечером в такую погоду.

Раздался тихий стук в дверь.

— Не открывай! — пропыхтела Грета.

Это было бесстыдно. Мы не заслонивали окон, лампа горела, даже издали кандид мог видеть, что мы дома.

Я крикнула:

— Кто там?

Ответа не последовало.

Мне показалось, что кто-то стонет.

Эрнст Оттенвальд — один из крупнейших социальных реформаторов германских писателей. Входит из буржуазной семьи. Оттенвальд одно время был членом курляндской организации «Союза немецких рабочих». В это же время родился 1919 год в Оттенвальда с болезнью, которая изменила его привычки и способности к коммуникации. С 1930 года Эрнст Оттенвальд жил в Германии. Второй его роман — «Она ведет себя, что говорит» — был воспринят разнобоячно буржуазным пропагандистским обществом как «западный роман о германской художественной привычке в изображении характеров и событий».

Оттенвальд — один из новых писателей Эрнста Гемпфена.

все это было в порядке вещей. — Случайно слышала, что ты живешь сейчас здесь. Хотела узнать, как поживаешь, что теперь делаешь...

Он виновато замолк, точно зная, что хотел сказать.

Я смотрела на него расстеганно. Дверь все еще была открыта, капли дождя попадали в комнеку, лампа взмолнилась мигом.

— Ты не хочешь меня впустить? — как-то странно улыбаясь она. — Заставляешь меня стоять на дожде и сквозняке?

Я закрыла дверь, повесив на окно мешок и предложила ему снять пальто. Но он сказал, что у него нет времени, что он сейчас уйдет. Все же он трогнулся со стула, посмотрел на Грету, потом на меня, потер руки, будто был недобро-чайно доволен, и стал говорить очень быстро:

— Всегда так бывает, когда встречаешься со старым товарищем, которого, собственно говоря, не надеялся больше увидеть... Хорошо, что ты здесь за городом...

Он говорил, говорил, стуча зубами. Под стулом медленно сползла вода, стекавшая с его пальто и брюк.

Я не мешала ему говорить. Грета молала кофе. Потом я спросила его:

— Ты знаешь, что мне приболел в нескольких местах голову?

Он утвердительно кивнул головой.

— Но из-за этого у меня еще не пропали все пять чувств, я еще не стал идиотом.

— Я не думаю.

— Почему же ты хочешь заставить меня поверить, будто ты пришел по этой чертоской дороге ночью только для того, чтобы сказать, что радиушка моему возвращению?

Пауль усмехнулся:

— Дорога не так плоха. Я хорошо ее знал еще с 1931 года...

Для чего он заговорил об этом? В 1931 году здесь у нас было жестокое съезды с штурмовиками. Они послали сюда небольшую карательную экспедицию, но мы узнали об этом, и новичка пропугнули закончилась для них чрезвычайно неблагоприятно. Потом, чтобы попытаться, кто организовал самооборону, фашисты избрали до полусмерти многих товарищ...

— С 1931, говоришь?

— С 1931, — ответила Пауль. И вдруг мне стало страшно.

Страх? Нет, неправильное выражение. Груст? Тоже неверно. Недоверие? Это слово слишком слабо, чтобы выразить то, что я испытала. Подумай только: перед мной был мой друг и товарищ Пауль. В «спартаковских» дни мы были вместе. Вместе работали в Союзе красных фронтовиков. В скользь демонстрациях мы вместе дрались с полицией! Пятнад-

...Я открыла дверь и увидела моего старого друга Пауля. Он был без шапки.

— Здорово, друг! — пропыхтел он и протянул мне руку. Пожав ее, я почувствовала, что его руки пальцы дрожат.

— Прожодка мимо вас, — сказал он, точно

цать лет нашей жизни, моей и его жизни, не отдалимы от партии. Мы делали вместе ошибки и вместе исправляли их.

И вот Пауль здесь, передо мной, и я не верю ему. Не верю.

Кофе был готов. Пауль стал жадно глотать горячий напиток, склонив сорвиголовами руками измазанную кружку. С минуту ничего не было смысла кроме его чмокания и глотков.

Не может быть, чтобы этот человек стал подлецом! Безумно думать, что он принес слова, чтобы напомнить что-нибудь у старого товарища... Но почему он лжет? Кто он?

Я чувствовал, как во мне поднимается дикая ярость.

Пауль отодвинул пустую кружку в сторону. Потом поискав в карманах и смущенно спросил, нет ли у меня папиросы. У меня были две. Я отдал ему одну, он жадно затянулся.

— Ты не снимешь пальто? — спросила Гreta.

— Да, — ответила она. — Илан, может быть, нет. Мне нужно идти.

Он сделал движение, точно хотел посмотреть на часы. Потом ударил себя по лбу и проговорил неясно:

— Где-то, я совсем забыл, что оставил часы дома.

И это он заметил только сейчас! Вот он сидит, улыбается, молчит и врет. Врет, молчит и улыбается. Я приближалась к нему.

— Пауль, — грубо сказала я. — Так больше продолжаться не может. Я хочу знать, с кем именно дело. Ты принес слова не для того, чтобы разговаривать со мной об истории 1931 года, с которой у меня так же много или так же мало общего, как и у тебя. Если ты не хочешь сказать, что тебе здесь нужно, уходи. Мне очень жаль, но так будет лучше для тебя и для меня.

Он разозлился:

— Итак, какого тебе хочешь? — спросила я еще раз и удивлялась тому, как резко прозвучал мой голос.

— М-да! — сказал он задумчиво. — Я действительно хотел просить тебя о чем-то. Илан, вернее. Прегру. По дороге к вам я порвал брошки. Заделись где-то, вероятно. В таком виде я не могу показываться на улице...

Он распахнул пальто, и я увидела, что брошки у него действительно разорваны. Но все-таки он продолжал лгать. Не мог же он идти ко мне только из-за этого?

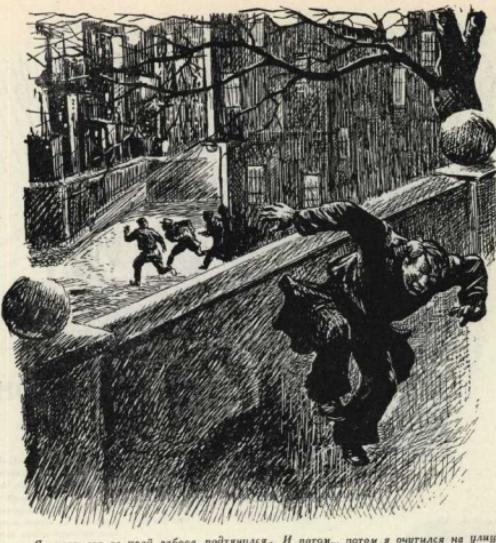
Я не саником люблю предложить ему пару своих старых брошек, пока Гreta будет защищать прореху. Я бросила ему старые брошки, как собаке кость. Еще минуты — и я бы подняла Пауля за горло. За последние месяцы мне слишком часто случалось видеть людей, которых я считала вполне порядочными и которым казались зервандами. Но если бы еще час назад кто-нибудь сказал мне, что я перестану доверять Паулю, я бы выбна тому зубы. Я и сейчас еще внутренне противостояла против этого из-за всех сил. Но факты были склоннее доводов моего чувства.

Гreta расправила брошки для починки.

— Есть у тебя что-нибудь в карманах? — спросила она.

— Нет, нет! — Пауль засмеялся, будто Гreta необыкновенно тонко сопристрая. — У меня в карманах ничего нет. Даже нового пальта.

Он никак не мог перестать смеяться. На секунду он подавала смех и снова присмех. У него сделалась настоящий припадок смеха — лицо стало искинно-красным, и непрерывное хихиканье звучало так страшно, что я началась думать, не сошел ли он с ума.

... Я ухватился за край забора, подтянулся... И потом... потом я очнулся на улице.

Не знаю, случалась ли с тобой такая штука: эти ведены серьезный разговор, все совершенно ясно. Но здруг тебе начинят казаться, будто ты грезишь, ты во сне, ты не знаешь, где исколебался... Точно кто-то занес тебе слизневый удар... Так я чувствовала себя в ту минуту.

Я вскочила, схватила Пауля за плечо и заревелась как зверь:

— Довольно, довольно!

И тут я поняла, что Пауль болен, просто болен. И, знаешь, я обрадовалась. Я нашла обяснение его поведению: он в жару, и не обязан ему верить. Я поднесла его к столу и налила ему кофе:

— Иди, отдохни, старина, сейчас ты должен, сегодня ты будешь почивать у нас, а завтра утром посмотрим...

— Нет, — сказал он совершенно спокойно. — Нет, так больше продолжаться не может. Я хочу тебе дать аттест. Но, знаешь, я боюсь, ты мне не поверишь. Не возвращай, я хочу тебе все рассказать, но я знаю, что ты не поверишь ни одному моему слову. Вообще, мне никто не поверит, ибо то, что я перенесла, невероятно.

Я пыталась незаметно сосчитать его пальцы, но отвел мою руку.

— Брось глупости! — сказал он. — Я не болен, у меня нет жара. Я сознаю все, что говорю. Но если я расскажу это товарищам, они будут шарахаться от меня, как от зачумленного. Мин преща комец, у меня исчертаны все спины, и пропади человек.

Он уставился в одну точку, потом вздрогнул и смотрел на меня.

— Знаешь, где я был часа два назад? Знаешь, где моя шапка, носовой платок, часы, булавки? Знаешь ты или не знаешь?

— Конечно, не знаю, — покачала я плечами.

— В гестапо¹. На Принц-Альбрехтштрассе. Оттуда никто из наших не возвращался. Во мне опять зашевелилось недоверие.

— Смысл?² — спросила я.

— Смысл, — виноватой головой Пауля, —бежал, скрылся, ушел.

Я вопросительно посмотрела на него.

Он грустно взглянулся на голову:

— Видишь, ты не веришь мне... И никто не поверит. Ни один товарищ. Подумает: меня опустили, потому что я там рассказывал многое. Ты же вот думаешь, что я пришел к тебе выведывать, принес потому, что, кроме концентрационного лагеря, ты знаешь еще многое, что интересно гестапо и чем они интересуются. Да?

Я молчала. Он хрюкнул засмекшись:

— Ну говори! Говори же! Ведь ты так думаешь, правда? Чем это я буду думать еще товарищи, все. Что ж, мне нужно было позвонить себе убить?

Он остановился, я взглянула на Гretу, ее глаза сузились от недоверия.

— Не беспокойся о том, что я думало, — сказал я. — Это мое дело. Ты должен рассказать мне, что случилось и почему ты принес именно ко мне.

Пауль начал рассказывать:

— В десять часов я доложил был встретиться с одним товарищем, приезжающим каждые две недели из провинции. Товарищ этот ведет серовую большую работу. Я знаю его уже несколько лет. В шести часов я кончил работать, и мне подумалось почему-то: хорошо бы пойти домой и сегодня с ним не встречаться. Но это продолжалось не более одной минуты. Чтобы уйти время для встречи, я пошел в кино. Ничего не сидела за кином. Без нескольких минут достаточно я бы уже на месте встречи. Ничего по-

¹ Гестапо — полиция политического сыска Германии.

² Смысл — смысл.

Спустя два дня мы переправили его через транш.

дозрительного. Товарища я увидел на другой стороне улицы. Все в порядке. Мы загорнули в ближайший переулок, темный и пустынный, и только он собрался передать мне привезенный материал, как подъехал автомобиль. Виссеквиан ввел четырех человек: «Руки вперед!» Ровенько... Бежать было слишком поздно. Эти собаки обмыкали нас, потом вточнули в автомобили, и мы поехали. Все что продолжалось не более десяти секунд, и не успел даже собраться с мыслями. Я попытался поймать взгляд товарища, неподвижно уставшегося в одну точку. Он, наверное, думал, что знаю я, что мояносторонности была причиной тому, что нас взяли. Но это неверно, этого не может быть, я знал это изнанки...

Спустя несколько минут автомобиль остановился перед зданием гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. Четверо полицейских повели нас, держа в карманах наготове револьверы. Ничего не подозревая. Мы поднялись по широкой пустынной лестнице, нас взвели в комнату, где за письменным столом сидел комиссар. Содержимое наших карманов приказали было выложить в шапки. Даже носовой платок не разрешали оставить.

Разговор по телефону. Повидимому, нет свободных часов: поздно.

Долгожданный охранник вынес меня в коридор и поставил лицом к стене. Я стал прощаться с жизнью. Я знал, что ничего им не скажу и поэтому не выйду отсюда живым. Я был совершенно спокоен: когда конец у меня был достаточно времени, чтобы свинуться с мыслью об аресте.

Стена была покрыта серой краской. Опустил глаза, я мог видеть узкую полоску линолеума, которым была покрыта пол. За спиной звучали шаги охранника, ходившего взад и вперед.

Минут через пять я услышала шаги посколь-

ких человек. Я скосил глаза и увидел, как группа охранников вошла в комнату, где, по-видимому, допрашивали моего товарища. Я ожидал шума, ударов, угроз и криков, но ничего не расслышал.

Я повернулся: охранник, карабкавшийся месив, исчез. В другом конце коридора было полуоткрыто дверь, оттуда доносились смех и голоса. Вероятно, охраннику стало скучно около меня, и он пошел в ту комнату. Не знаю, сколько времени это продолжалось. Я отошел в конец коридора, раздался искренний смех. В метр двадцати от того места, где я стоял, былворот. Я отчаянно добрался до этого поворота и увидел лестницу, по которой мы шли сюда. Ни душа. Лестница, четыре пролета — и я буду на улице. Я знал, что ворота заперты, около них стоит охранник. Я заметил это, когда нас привезли. Но я думал только о лестнице, о том, что по ней можно пойти, что внизу дверь и за неей — улица. И я пошел по лестнице. Я спускался медленно и тихо. Один шаг, второй, третий — веде коридоры и ни одного человека. Наконец, я очутился внизу. В решетчатом окне я увидел проезжающие по улице автомобили.

В эту минуту передо мною вмысел охранника. Тут я понял, насколько я был безумен. Пройти мимо него немыслимо. Здесь, вероятно, имеются пароль или другие условные знаки. Я пропал. «Гейль Гитлер!» — сказал я мгновенно и поднял для приветствия руку. «Гейль Гитлер!» — прорыдал охранник, раздраженно.

У конца лестницы начинялась другая, помидуму, в подвал. На раздумья не минуя, я стал спускаться вниз. С прахой здания и увидел узкую, обитую жесткой дверь.

Багру сперу донесались дикие крики. Охранник, поднимавший замки, что я бежал. Изо всех сил напали на дверь. Она открывалась, и я на мостовой.

Я очнулся во дворе гестапо. Шел дождь. Фонари отражались в мокрой мостовой. Позади меня настаскала рев. Передо мною, вдвадцати метрах, высокая ограда, отделяющая маленький двор от улицы. Перелезть через нее невозможно.

Я знал, что делать. Вдруг я увидел в углу забора каменный упор приблизительно в полметра высоты. Я бросился к нему, вскочил, ухватился за верх забора и подтянулся. Зубами порвала мне штаны. Подкладка пальто, вероятно, тоже порвана. И потом... я очнулся на улице. На Принц-Альбрехтштрассе. «В ста пятидесяти метрах от меня бешеное уличное движение по Кенингштрассе», — подумал я. — Если я доберусь до этой улицы, меня никто не найдет.

В первый раз за все это время я подумал по-настоящему, что мне делать. Мне хотелось бежать, чтобы поскорее затеряться в уличной суете. Но бежать вечером по пустынной улице от дома, где помещается гестапо? Нелепо. Знаешь, я прошел эти пятьдесят метров спокойно, мерным шагом. Шел, не оглядываясь... Отгнувшись я на Кенингштрассе, чтобы узнать, слышат ли меня. А оттуда я прешел к тебе...

Пауль замолчал. На абу у него вспыхнули капельки пота. Гreta давно уже уронила иголку и нитки.

— И потом ты пришел ко мне, — сказал я, чтобы вообще что-либо сказать.

Пауль поднял голову:

— Да. Я должен добавить еще кое-что. В свою квартиру я возвращаться не мог. Мое удостоверение лежало в бумажнике, а он остался в гестапо. Деньги тоже в гестапо. Тогда я подумал о тебе. Совершенно случайно несколько дней назад я слышал от Бруно, что ты живешь за городом. Поэтому я прешел к тебе...

— Что нужно сделать теперь? — спросил я Пауля.

— Пойти рано утром по адресу, который я тебе дам, и рассказать там человеку, который назовет себя Гансом Келером, что случилось. Нужно тутчас же предупредить товарищ. Он знает — кого. Скажи, что другой арестованый со мной товарищ — Берта...

Не знаю, какое у меня было лицо во время этого рассказа. Пауль улыбалась и тихо сказала:

— Можешь спокойно сидеть тут. Я не подожду тебя, старина.

Эту ночь Пауль провел у нас.

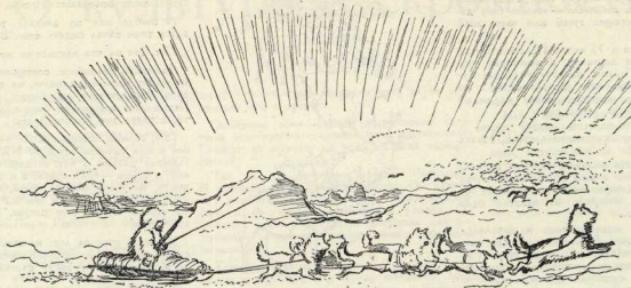
На следующий день в намеченнем месте я встретился с товарищем Гансом и рассказал ему все. Не зная меня, он тихо засиял и не поверил ни одному моему слову. День и две ночи пришлось выслушать всю эту историю. Мы предупредили целый ряд товарищей, и благодаря бесстрашию Пауля были спасены важная партийная работа.

Спустя два дня мы переправили его через границу.

Я слышала позднее, что в эмиграции Паулю долго приходилось бороться с недозором с собой. Но потом вспыхнуло — это подтверждено одним из наших человек, слушавшим полицейским в гестапо, — что вся история Пауля от первого до последнего слова — чистейшая правда.

Сейчас Пауль работает в эмиграции. Мы переписываемся. Начинала с того, что я снова веду работу в партии...

Переведено с рукописи М. ЗЕЛЬДОВИЧ

Из дневника полярника

СЕРГЕЙ ЖУРАВЛЕВ

Сергей Прокофьевич Журавлев — один из известнейших полярников-авиаторов нашей страны. Мужественный человек, выразительный пропагандист ордена Трудового Красного знания, он дважды поднял раз вспять новый юж за плодородным краем. Прощальный лай Сергея Журавлева прозвучал в бухте Прончихе, у северной оконечности Таймыра, на 70° северной широты.

Мы публикуем записи из дневника, который вел Сергей Журавлев в бухте Прончихе в июне месяца прошлого года.

3 июня
Мороз брала. Искала щенка. Этакий аланит! Ушел километров за двадцать, а там она и сладко его потеряла. Ни с чем вернулась обратно в 4 часа.

Пасмурно.
До обеда очистил палубу «Онеги» от снега и выбросил снег из кубрика. Потом поехал на слалом на двух упряжках, с нами отправился доктор Марин проводили скота не поиски снега.

Сало с хосом увезли. Теперь остались лишь моржев перезаланных. Они пока еще на яру. Окончательную работу в двадцатицать часов.

4-е. Реша съездить в избу № 2. Там из-под снега отковали доски. Можно будет доделать крышу. По дороге убых четырех куропаток. Одну пойти.

5-е. В двенадцать часов выехала в дальний кут посмотреть, что там творится. Гуси очищены от снега. Убрали снег. Убрали опять три и снова одну из птиц. Скота пять ланей — впрочем сегодня и горы.

В 19-й час вооружилась на базу.

Плохочина разногласия о том, что с остррова Самуила выехали вчера Долгобородов и Королев. Ехда еще вполне спокойна. Туман.

Видел зеленые мух: уви летали открыто. Порядочно следов посца. Бегают, охотятся на куропаток и гусей.

б-е. Никуда не ездил.

7-е. Всё держится туши. Промышлять, кроме куропаток, ничего. Собаки отыскали.

8-е. Аед на скре — 1 метр 90 сантиметров. Работах полтора часа над прорубью. Погнался за толстый лед! Потребовал узлы, но никакая ряба не хочет напиши кушать. Поставил узлы и поехал на базу. Снег совсем распустился. Какого додадут наши ребята со Самуила? Жаль без них спасочек, изведут...

9. Погода ухудшилась мороженой зимой, киети, чтобы не портиться скоту. Кое-что прибрал по хозяйству. В 19 часов ездила за мясом. Привез в избите. На ялуу появляется вода, а вечером пристыла. Видел две стайки горной гаги: летят по заливу к горам, вероятно, гнездовать на севере.

Где-то путешественники наши?

11-е. Гнилая погода, никуда не высыпало.

День пасмурный. Сижу дома, читаю. Наших путешест-нчиков все еще нет. Если сегодня вечером не приедут, завтра возьму корму для собак и поеду наизвестру.

12-е. На ночь крепко пристыло. Не отходит — и только. Путешественников все еще нет. Нужно ехать забросить корму собакам и прогодиться.

...Собираясь и амеха, на дороге такая, что уже за 11 километров у всех собак из ног попала кровь. Разбросал плащут и сидел 21 час, т. е. до полуночи 13-го.

13-е. Погода теплая, хотя ветерок и тянит... Снег хорошо распустился. Забрал задок моржового мяса — этого хватит накормить три раза обе-

...По дороге рѣка чиста, прорублен. Однажды не мог...

Порядочно следов посца. Бегают, склоняя не куропаток и гусей.

...Несколько щенков.
Этакий аланит!
Ушел километров за двадцать...

заряжки досыпала — и поехала. Чуть выехала за косу, дорога гладкая и воды на льду очень мало. Собаки не измучены, побежали — только бегу да- вай! Кай увидел летящих гусей на час, знал только придергивай!

К палатке прискали в 15 часов. Палатка еще не упала, но приколами подтаяла, и некоторые уже выдуруюло ветром. Перенес палатку на более су- хое место, сорвало кирпичи, разбросало сабак и из одиннадцати частей осталась одна моржевая ласт. Хватит вам! Всегда много сал!

Печку устанавливать не стала: будет жарко и тепло, а у меня температура неизменно с собой. Надо готовить обед и чай.

Как тут промышлять медведя? Стоит палатка на самом видном месте, а сало и листы, как залез в апреле, там и до сегодня не тронуты. Если бы тут был медведь, то, наверное, от палатки один лоскунчика оставил бы...

Побредела. Винила кружку чаю и завалилась спать. Отдохнула хорошо. Потом стала делать занятие: сортировать плавники. Поставила трехметровую ведро, врубила вилку в крестовину из толстых плавников, а поверху накривала веревкой метровую поперечину. На поперечину висела: «1953 год. 14 июня. С. Ж.».

Знак будет стоять, конечно, до первого звонного медведя; тот взлетит вверх, и все сооружение по-летит. Время — утро, полчаса 30 минут.

Вдруг показалась такая гниль — сырой снег! — что ужас! Хотела поспать часов до 10-ти, пока не растает снег, повалась в пижаме, голову закрыла одеялом — нет, не могу заснуть. Раздевалась. Все равно не спится. Снег валил густо. Лежала так до пяти часов, видела саломы: сквозь пальту доложится разогрев трусы. Должна проплатить, а нет. Потом Кумидий заснул.

Собаки, конечно, разбежались в поисках, метрах в ста от палатки сели пить туши и покусывали. Наказ и пыши на один лапы чулки и, не поднимаясь, полез с салом по руслам. Голову же не поднимала, потому что не могла. Но не поспала, а лапы пошли за увалившись. Четверо уже почти скрылись, а второго было видно, я чинула. Переодевалась, трос поднялась, а пятый еще остался и видно лишь шея по плечи и голова. Снова приселись, чинула и нашла же пуда шеюку у гуся за 110 шагов! Оказывается, первый гусь саломы и лапа-поступок должны положить, а второй — самец — по соревнованию обстоятельства тоже стал жертвой.

Ну и что за сокак: все саломы путешественниками! Но иначе как ускакал в кут залыва Фальдес, а оттуда горами. Да и радиограмма Шершевского от 12-го говорила с тем, что саломы не плавают. А какая же теперь в горах дорога? Доброго и ждать тут нечего.

В 6 час. 30 мин. запах соболей (снег пытается оттаивать) и вадиши собаки на десети километрах устанут больше чем там на 35-ти. Тут и вода и снег бродят — все рядом. И ноги дерут!

Вот теперь я, наиворное засуя. О наих ни слуху, ни лужу. Чувствуется боль в глазах и поблывает голова — искромки.

15-е. Ночь плохо спала. Днем вели переговоры с Членом совета о выходе из палатки. Дороги не хотят сажать, а парковали о погоде: у нас погода начиняла налагаться, а там — снегопад и взлет пневмозонен. Здесь нашлись такие яркие спиклеры, как Ламен и Елизаров. Чуть не доказали, что погода не имеет никакого отношения к погоде. А Ламен до того заревился, что зочет с Елизаровым идти пешком.

А дело, конечно, не из хороших. Бынос, чтоб сержмыне не заболел кто в деревне. Вот где торе буде-ат! А я не могу заснуть: не страшно: у них есть оружие, дичь теперь покров, в крайнем случае можно гуси или куропатку убить. В Ленинском районе, километрах в ста от Пронтищевской деревни, сажи, если ужеме саломы на льду, — либо перес на льду, а то и какой-нибудь залудянский медведь попадется.

Делать пока ничего. Придут! Пусть собаки пропадут, но сало дожны прийти! Не застряли же где-нибудь далеко в горах!

И мне есть сейчас тоже некуда. Что можно и нужно было сделать, то сделано. Хуже всего то, что не знаешь, где они могут быть. Кабы знала, что у моря, я в тот раз не вернулась бы от палатки. Но телеграмма Шершевского говорит за то, что они в горах...

...Снова приселась, чинула и ныла две пуды шеек у гуся за 110 шагов.

Делать пока ничего. Придут! Пусть собаки пропадут, но сало должны прийти! Не застряли же где-нибудь далеко в горах!

И мне есть сейчас тоже некуда. Что можно и нужно было сделать, то сделано. Хуже всего то, что не знаешь, где они могут быть. Кабы знала, что у моря, я в тот раз не вернулась бы от палатки. Но телеграмма Шершевского говорит за то, что они в горах...

16-е. Утро. Четыре часа. Не могу спать: дело стоит, люди проклипают. Просто испытательно.

А погода, как по заказу: темная, гнилая, и здесь тоже начал падать снег. Все в одному...

17-е. Ни за что не заснуть не могу. Чорт возьми...

Созывали зарядное совещание. Решали, пока не может вылететь самолет, на одиннадцати сажах отправить Палевского по берегу моря до острова Петра. А я осталась на базе ждать вылета самолета, а тогда уже работать будет!

18-е. Крепко примерзло. В 4-м часу занося сол-бак и при сильном ветре от НЮ посыпал за миском. Прокрах далёвши в кут. В двух местах видел олени в одном — один олень, а в другом — стадо из пяти, то было они за рекой, и охотиться не стала. Куда нам с этим миском? Да и не до охоты теперь. Видел двух песцов. Масса гусей. Есть купороски.

Засыпал куту на лед: из замороженного ручья валило воды, собаки часто просыпались, на шерсти во-домерзят, хвостики пистыли.

В 12-м часу пришла пинская Королева!

Принесли он от берега. Собаки почти все погибли. Линьки делали, но уже не могут идти. Долго-Бородов остался в 60—70 километрах. Лежит в палатке болезнью: обессилен и расстройство желудка от мыса без соли и хлеба.

Тут долго разговаривать некогда!

В 14-м часу уже пысакан на двух санях я и Павловский. Взяли с собой доктора.

По приморозку спать короче, да у меня собаки снально устали и не успели отдохнуть после 70-километрового прогона.

Доезжаю до палатки, что миша поставлена. Согрели чай. И через два часа снова спереди. Прокрах в палатку в 23-м часу.

— Долго-Бородовы! Миша?

— Жив! — отвечает.

— Ну и хорошо! — Сейчас все в порядке. А собак, как я увидела, так сразу у меня внутрь все перевернулось. До этого есть хотелось, а тут с трудом выплыла кружку чаю, чтобы подкрепить компанию.

Нарубили собачьи мяса; даже есть боли не могут, а две и совсем не смотрят на корм.

После чая Павловский отправили; неподалеку брошены еще четыре собаки. Может, живы. Мы с доктором Кашевицем построили знак.

С Долго-Бородовыми ничего странного: выпытка мясного бульона, после супа — и сразу все хорошо стало.

19-е. Собаки до семи часов отыскались, а потом — в поход и дому.

Из двух наших утяток салома три, т. е. выделила из каждой по четырем собаки, и у нас теперь три утятки по восемь собак в каждой.

Я заснула и себе на сани все барахло и палатку. Павловский — доктор! — еще бигено мамота, что запах здесь испод簌а.

Долго-Бородов может уже управляемы собаками. К нему на сани по-прежнему ослабевшие его собаки. Только три могут идти сами, да и то без лапами: Шарик, Диана и Найда. Остальных всех пришлось везти на сани. Ну и шестые! Что Наполеон от Москвы!

Дорога — одно удовольствие. Решали дуть направление до базы, пока не растая промерзлок.

От своей палатки нужно было забрать прищип с частью продуктов: заехал, чтоб это сделать — и что вы скажете? За это время, пока мы ездили к Долго-Бородову, здесь успел побывать медведь. Сел часть мяса, кинул 10 сала и ушел. Но тут не до промиска, когда на руках целый хазард — целый хазард, который воняет.

Впереди — две стога сухих салов. Салы, сидя на санях. Мой «Бандит» шел по старой дороге и километров 15 все управляемо верно. Я ушла впереди — сразу легче стало; разбудило солнце, ударил прямо в глаза.

На базу приехал в 15 часов.

У меня собаки от еды по приморозку снегу почти у всех идет из носа крови...

Ну, теперь отдохнем!

Побредела. Я заснула спать. До 20 часов спала как убитый.

...За это время, пока мы ездили к Долго-Бородову, здесь успел побывать медведь, сел часть салов, кинул дикого сала и ушел.

О культуре и скромности

В нашей заводской газете «За большевистские темы» была помещена вкладка из речи секретаря райкома ВЛКСМ Балашова Павла Рыбинского в области культуры. Борисский заголовок «Рыбинов штурмует имхотом культуры», портрет «героя» — все настраивал читателя так, будто мы действительно имеем дело с каким-то необычайным личиной.

Я хорошо знаю Павла Рыбинского: он мой сосед по квартире.

В своем показе секретарь рабочего комитета Балашова говорит, что Павел Рыбинов пишет роман Густава Флобера «Мадам Бовари» и что это есть факт огромного роста культуры нашей молодежи.

Так было напечатано в заводской газете.

Заметка эта меня глубоко огорчила и возмутила.

Я должен рассказать (пусть не обижается Павел Рыбинов) о следующем факте.

У меня большая библиотека. Так что угром ко мне ввалился Рыбинов. Я уже собирался уходить.

Рыбинов, называя группу сидевших дома, из-за скуки и безделки, от попросил дать ему какуюнибудь книгу, чтобы «уйти временно» (так он сказал).

Я дал ему первую попавшуюся под руку книгу Эзотера «Мадам Бовари».

Я не знал тогда, что чтение Павлом романа «Флобер» будет расценено так высоко, и что от этого будут говорить с трибуны комсомольской конференции.

Я не хочу обнажать Павла Рыбинского. Павел — истинный парень. Он с энтузиазмом рассказывал мне о своей работе по производству. Рыбинов выписывает газету, посвященную политику, ходят слухи, но меня всегда оторвал от чтения папки больные, глубокие, честные. Он сознательно отогнивается минимумом, он «скользит».

И вдруг — на тебе — у Рыбинова сложился са-
мо культурный человек!

Меня всегда поражало в его милом убран-
ном кабинете отсутствие книг. Павел много и хорошо зарабатывает. Он окотко тра-
тил деньги на одежду и мелочи, хорошо пита-
ется. Но никогда не видел, чтобы он по-
тратил несколько рублей на книгу.

Партия и правительство создают все условия для культурного развития молодежи в нашей стране. Партия расширяет перед молодежью все возможности, все музеи, она издает миллионы книг, она отдала детям дворцы, открыла передностью двери всем наукам и академиям.

Когда я был мальчиком, мы могли только мечтать о таком счастье. Право на культуру мы завоевывали в тяжелой борьбе.

Помню такой случай. В одну из очных схваток между старшими и младшими, я забыл книгу, которую я захотел послушать. Надзиратель отвел у меня затрепанный, присыпанный с изюмом учебник немецкого языка.

Староронящийся между собой, мы, политиче-
ские, обнялись головами. Мы трезвонили «От-
дайте нам наши учебники, книги стихов, рома-
нов». Держались мы стойко. Тюремщики оле-
шились: они не хотели встретить такого упор-
ного противника.

В мои камеры стала извозиться начальник тюрьмы. То лестно, то угрозой он требовал отдать от головокружия. Сызмам сильным его аргу-
ментом было:

— Молодой человек, стоит ли голодать из-
за учебников немецкого языка?

Я сказал: Родители не дают тупой живицы, что несомненно книжки мне для того, что
бы читать в ортодоксии Маркса и Энгельса?

Мы были рядом, когда нам вернули книги,
но на головокружия не сделали поддента.

А в наши дни бывает иногда так, что когда

из книги — туждунные людишки чуть ли не про-
изывают его и «героя».

Овладение всем лучшим из арсенала культу-
ры человечества — прямая наша обязанность.
Следует ли кричать об этом на всех перекро-
стках?

Так ли уж культурист Рыбинов?

Я утверждаю, что он некультурен. Он думает, что достаточно послушать оперу «Евгений Онегин» и не читать пушкинского романа. Он считает, что с него звянут учебники для со-
циологии и потому изучать книги классиков

маренико.

Товарищ Власов обвиняет Рыбинского при-
мером в образе для нашей молодежи. Мало-
годный ускульптор озывает секретарь и Рыбинко-
ву и молодежи. Проверял Павел «Мадам Бова-
рин» и увидел в романе обычную любовную
историю. Он не понял всей жутки «нормального»
буржуазного существования, которое яв-
ляется идеалом героя Флобера. Дело ведь из

только в том, что книга прочитана, должно-
как она прочитана, как понята.

Нет. Рыбинов не пример для нашей молодежи. Примером являются молодые советские люди, которые несут в себе все лучшее отечественного и
советского, болгарского, черты передовицы, упорно и по-настоящему овладевающие действительными
мыслями науки и культуры. Таких у нас
много, с каждым днем их число увеличивается,
и их то и должны быть Власовы становятся в при-
мер всей оставшейся молодежи.

Если бы Рыбинов имел мужество высту-
пить на комсомольской конференции с заявле-
нием, что с книгой Флобера он познакомился
случайно, что у него мало знаний, то бы от
спросили, как ему быть дальше, как учиться,
тогда другим было бы легче доказать, что
такой упор отсутствует. Тогда речь прозвучала бы
живым укором Власову. Но Рыбинов смол-
чал. Он принял речь секретаря как должное.

Вот почему меня так возмутила этот факт.

НИКОЛАЙ СЕДЫХ

Рис. Б. Прогорова

ПОШЛЯК.— Вот мы сто, героя нашего, подтрикой премьером, потом патефончик сму-
клиши.. Глуби,— и про нас, местномощцев, в газете напишут!

БЕССТРАШИЕ

Очера А. ЛАЗЕБНИКОВА. Фото И. ГУЩИНА

В часы о молодом красноармейце многие знали, что он всегда работал на транспорте. Тракторист — профессия доффицная в армии. Трактор тягач должен доставлять на красную черту аэродрома тяжелые самолеты. И вот бойцу авиационной части Григорию Богомолову поручили задачу из машины поднять машины из ангаров.

У водителя тягача много свободного времени. Когда самолеты в воздухе, тракторист свободен. В такие часы Григорий Богомолов приходил к людям очень легкой, как ему казалось, веселой профессии — укладчикам парашютов.

Он слышал за тем, как огромное плоское полотнище с многочисленными стропами превращалось в компактный пакет правильной формы. Он знал, что на укладку дает-ся 32 минуты.

Как-то после нескольких часов монотонного наблюдения он сказал:

— Можно и в два раза быстрее склонить.

— Попробуй, Гриша, — дружески ответил ему один из самых лучших укладчиков, Козлов, указав на горючую ткань из фанерных стружек.

Богомолов подошел к столу. Уверенные движениями он разложил парашют. Наблюдение показало ему вирок. Богомолов работал молча, быстро расправляя стропы и разглаживая линейкой зорчими на шеях.

Никто не засекал времени, но всем показалось, что Богомолов склонил парашют не больше чем в десять... двенадцать минут.

После этого коммандир Торлов, мастер парашютного спорта, разреши Богомолову ежедневно прыгать с укладчиком. Богомолов выился акробатом. Он работал быстро и сокрушительно. Одно обстоятельство очаровывало тракториста: никто в части не рисковал принять с парашютом его укладки. Парашюты укладчика-одноголовки перспектировались профессионалами и только подле этого вручались пилотам.

Парашюты пришло поиздянанию. Сам Торлов попросил Богомолова собрать для него парашюты. Когда укладку хотели пересмотреть, мастер спорта сказал, что он верит Богомолову, как самому себе. Парашюты не подвел.

...Ежедневно с частью уходили в полет 10—15 парашютистов. Это были товарищи, знавшие уже теорию призыва. У многих были прикреплены к груди голубые звездочки значки.

...В укладочной Богомолов готовил парашюты для десантной группы кондаков и летчиков-наблюдателей.

Потом он поехал на старт. Одного из тех, кто должен был прыгать, — коммандира Чистова — не оказалось.

Богомолов сообразил, что скрывает порок, что так не может и не должно поступать. Кондаков, артиллерист по профессии, не предложил своего желания. Группа из 12 человек встремилась в старт, и начальник десантных групп стал называть коммандиров по фамилиям. Богомолов пристроился посланным в коротком «есть» ответил за Чистова.

— Прыгайте будете в такой же последовательности, как постонались здесь на земле. Первым им... — коммандир указал на правоблагородного, последним — пот от товарища... — коммандир посмотрел на Богомолова.

Начальник десанта притянул голосом отдавал комманду:

— По с-а-м-о-л-е-т-и-м!

Люди заняли свои места. Здесь не было ни одного новичка. Это были летчики, стрелки, подводные радисты и штурманы, много раз подымавшиеся в воздух тяжелыми кораблями.

Испытатель парашютов Григорий Богомолов.

И вот высота, указанная коммандиром, — 800 метров. Как будто по сигналу... — сказал он другим спокойно выбрасывается из машины. Богомолов помигнул свою определяющую: он должен прыгнуть последним. И вот уже в кабине никого нет. Тогда Гриша таким же манером, как у себя в колхозе «Красный Октябрь» нырял с высокого берега в реку, бросается вниз.

На земле транс аэродрома стоит стол. Деловито-выспренне выписывает инженер и фланжами разгнувшись вперемежку. К столу подходит Григорий Алексеевич Богомолов и громко называет свою фамилию. Он не видит, что рядом стоит уладающийся Торлов, который уже все знает.

— Получите, — говорит Богомолов, — от меня человек, совершивший 250 прыжек, — подняв голову, — я вижу, — встает ему голубой значок, — на вас вейдет настоящий защитник родины, смелый человек. А за нарушение дисциплины вы получите азы-скажение...

Это было 6 мая 1933 года. Потом прошли часы и увлекающие прыжки: бывший Богомолов, артиллерист, вспоминает: «Я была очень аварадна, и все недоделки се-кунды падения Богомолова лет...»

Его называли инструментом-укладчиком. Дни и ночи он со-бирал парашюты для многих сотен парашютистов. И парашюты укладки Богомолова раскрывались с неизменной точностью, тогда, когда другие парашюты...

В августе Богомолов совершил еще 17 прыжек — последние в армии — и демобилизовался.

Погодясь в деревне, он поехал в Москву, к знаменитому парашютисту Забелину. Забелин увлекся рассказами укладчика парашютов Николая Чистова.

— Очень хорошо, — сказал ма-стер парашютного спорта. — Ты нам нужен. Будешь работать на испы-тательной парашютной станции.

И вот Гриша Богомолов, 23-летний юноша, парашютист и мастер-укладчик, уже несколько месяцев — человек самый смелый и необычайной профессии: он испытывал парашюты. Он выбрасывается из самолета не самым большим скоростям, прыгает на фигуру, еще никем из парашютистов не освоенных. Каждый его прыжок — эксперимент, опыт, опровержение, а иногда подтверждение теоретических ис-числений и догадок. Он рвет колю парашюта, с которым никто еще до него не прыгал.

Гриша садится в машину, забирается сначала на 500 метров и прыгает с этой высоты. Внизу специалисты ждут его приемления. Они осматривают купол и стропы парашюта и просят Гришу продол-жать.

Хроометражисты засекают время, отчитывают, сколько секунд прошло с момента открытия парашюта до приемления Богомолова. Един нигде не прорвалась щель, если стропы послушны колычу, — парашют идет в серийное производство.

Гриша Богомолов — человек исключительной профессии: он испытывает парашюты, чтобы обеспечить всем отваженным юношам и девушкам нашей страны, коммандирам и летчикам благополучное приемление.

Берясь за металлическое колыдо зеленого мешка, помните, что па-разуют вас не подведет, что его уже испытала Гриша Богомолов.

ВЕСНА ПРИШЛА!

Вверху: ледоход на реке Подкаменной
Тунгуске.
Фотоэтюд Д. Добабова.

Внизу: первая вьюзка за город.
Фотоэтюд Н. Верничука.

Петра Балмашева охватила зависть, когда он узнал, что его ученик Степанов, которого он обучал мастерству токаря, «изнадзора» обогнал в первом же соревновании заводе стахановский рекорд. Как это могло случиться, что первым человеком на заводе стал не он, Балмашев, признанный мастер своего дела, а его же собственный ученик? Как могло случиться, что почеты и слава «первого стахановца» достались не ему, Балмашеву, а Гришу Степанову, с которым он, Балмашев, не считал даже нужным соревноваться?

Балмашев, восточником себя оскорбленный «дерзостью» простого сельского парня, Степанова и даже первых гривин прорвался в стахановский рекорд, все же чувство обиды из ученника, который «не согласился» с ним своего «призыва», не перестает от томлить его. Ему непривычно и то, что стахановцы из их завода называются не «балмашенцами», а «стахановцами».

Справедлив ли он в этом? — с таким вопросом обратился Петр Балмашев к своему другу в своем опубликованном в газетном номере «Смены».

Как и следовало предполагать, письмо вызвало массу откликов. В этих откликах дан исчерпывающий ответ самим читателям на вопрос поставленный Балмашевым.

«Балмашев — неправ», — отвечает читатель — Чувство, охватившее Балмашева, когда он увидел, как дважды шагнув перед его учеником (обиду, зависть, ненависть к ученику) — не ищет чувства. Это чувство недостойно передового человека — сознательной элиты.

Наша эпоха характерна расщеплением большинства и багровением чувств, которые в буржуазном обществе не только не могли проявлять, но, наоборот, всячески приглушали, вытиасывали, опошляли».

Либкий и буржуазное общество основано на нюхе всех против всех, на беспощадной конкуренции. Обществом осаждаются судьбы стоящих людского поведения: изненуженный языком («каждый за себя», «твои рубашки блажи и тело»), мещанин, ограниченность («моя жата с карманом»), озлобленный друг к другу («человек умывает в воде»), воровской духом жизни... Капиталистическая конкуренция подводила беспрерывную волною жилы человека и обществом. К чему приводили эти «прелести» капиталистической цивилизации, показал еще знаменитый социалист — ученый Шарль Фурье:

«Враг желает, чтобы было так много больных болезней. Архитектор и строитель мечтают о пожарах, которые уничтожат бы четверть города, а стекольщики — о граде, который перебьет все стекла... Духовщина радуется повышению смертности... Судья потирает руки от удовольствия, видя, как число преступлений увеличивается: ведь для содержания судов во Франции необходимо, чтобы ежегодно совершалось 120 000 преступлений. Таков этот смехотворный строй цивилизации, где каждый индивид находящийся в состоянии непрерывной войны с коллективом, где счастье одних основано на неудаче и даже гибели других».

Стремление к почету и славе неотделимо было раньше от кафаризма и полости. Путь молодого человека буржуазного общества к славе был усыпан тропами конкурентов-«чудаков», чтобы пробоватьперед мозги было только вид в головах других, безжалостно сорвавших сливки. К вершине славы прибралась самая лицемица, а не самый достойный.

Более того, стремление к почету и славе наших молодых одноденщиков. Рядом сопки они на бальзамовских горах, в Растильянов!.. Ореолом славы венчают у нас частный, самоотверженный труд, благородные творческие устремления, направленные на укрепление нашей социалистической родины, на достижение счастья для всего человечества,

ПОЧЕМУ НЕ ПРАВ Петр Балмашев?

Ответ нашим читателям

(Смотрите письмо в журнале «Смена» № 1)

Не малые, низменные побуждения, а жадность присоединить свое усилие к огромному труду по созданию нового человеческого общества толкают молодых людей Советской страны на германские поступки.

На медиканская ограниченность и своеобразие, а высокие идеи Мирка Энгельса — Ленина — Стальна вдохновят поисками и поступками нашей молодежи.

Эти новые черты, присущие советским людям, нашли свое спонтанное выражение и стахановском движении. Стахановское движение выражает собой «новый, высший этап социалистического соревнования» (Сталь), новый технический подъем в среде передовых советских людей, горячее стремление путем превышения старых технических норм добиться увеличения материнских богатств для блага нашей родины и всех граждан.

Стахановцы отличаются также черты извезды, которые в советской стране в СССР. Например по стремлению шире распространить свой опыт. Раньше мыслямь было бы в буржуазных условиях, чтобы рекордист не стремился бы к обратному — к утиль сего своего рекорда, чтобы оставить за собой право монополии!.. Тане зверинцы черты последения нам совершенно чужды. Каждый новый успех в овладении техникой, каждое новое достижение в области науки и техники, каждое изобретение, каждое изыскание, каждое изобретение встречаются со стороны окружающих не любви и раздражения, а искренней радости, восхищения, уважения к героям... Почему это происходит? Да потому, что каждый новый рекорд и успех иного не ущемляет ни материально, ни материально. Наоборот, он способствует дальнейшему развитию техники, культуры, но, кроме того, новый успех, достигнутый однажды, привносит счастье и ему и всем. Вспомним изумительные истории руководителей партии и правительства с передовиками промышленности и сельского хозяйства. Какую бурную радость, какой гром аплодисментов вызвало каждое сообщение о рекорде того или иного стахановца, пятидесяти, колхозника, рабочего, тракториста, доктора... Этим рекордамплодились вся страна.

Вот почему наше общество, с постепенным обогащением на Петра Балмашева, у которого производственный успех его творчества вызывал не радость, а любоб, не удовлетворение, а обиду, не гордость своим учеником, а зависть к нему... Некоторые молодые читатели даже сомневаются: да нормальный ли этот Балмашев? «Ведь так не может рассуждать советский человек, находящийся в заряде ума и творчества!..» пишет студент Ильинского коммунистического техникума Поповой.

Другие читатели опровергают причину, которую по мнению письмов на Балмашева не-коммунистические чувства по поводу стахановского рекорда Гриши Степанова.

«Зависть — вот самая яркая черта в поведении Петра Балмашева», пишет тот Гусев, комсомольский стахановец Ярославского резинокомбината. — От этого зависти и берет из-

чало обида Балмашева на Гришу. Как мог обиженный, да препройти своего учителя! И того не понял Балмашев, что в таком случае лучше не винить учителя, а самому сразу же попытаться выйти вперед. Так и только тогда поддерживается первенство. Ничего громких словами и прыщами удачами его поддерживать нельзя. Это хорошо, что Балмашев обучена 10 учеников, но из забытого отчаяния — о своей собственной учебе, а тот, кто топчетесь на месте, не может быть учителем и руководителем. Нужно не зазыватьться, а скромно и упорно учиться и пытаться выйти вперед».

В общем Балмашева очень многое от зависти. Он винится своим недостаткам, как ему казалось, положением по сравнению с его учителем. Стальна могут отнести люди, у которых это благородное чувство достоинства, в нашем понимании, вовсе отсутствует. Достоинство в данном случае заключается в помощи отставшим (а у Балмашева с его огромным производственным опытом есть чем поделиться с отставшим!), в создании условий для общего успеха, поддержании производственного членства своего коллектива, не извлекая из него «перспективы», чтобы «утереть нос», чтобы «косидеть выскочку», а из желания как можно скорее распространить шире ценную иницитиву.

Соревнование и конкуренция — соревнование различные по природе своей вещи. Товарищ Сталь да замечательное определение того, что такое социалистическое соревнование в отличие от капиталистической конкуренции:

«Иногда социалистическое соревнование смешивается с конкуренцией. Это большая ошибка. Социалистическое соревнование и конкуренция предстают для соревнования различными признаками. Признак конкуренции: поражение и смерть одних, победа и господство других. Признак социалистического соревнования — товарищеская помощь отставшим со стороны передовых, с тем, чтобы добиться общего подъема...». Кому же, кроме Петра Балмашева, можно предложить свое послание? Социалистическое соревнование говорит: если работают плохо другие хорошо, троих лучше... — дологий, улучшил и добился общего подъема».

Конкуренция в буржуазном обществе порождала чувство зависти. Это чувство питала социальная несправедливость, обильность озлого человека другими, более проницаемыми, юношескими и менее достойными. По правильному определению одного из авторов отрывка из «Общую», живущую в буржуазном обществе почту, которая переносилась со злобой и почты всегда была направлена на то, чтобы «свергнуть комбайна-многодца».

Много замыслов в нашем обществе заставляло чувство зависти к успеху первоклассного творчества и ядровое стремление его логотип и переносить в открытом и честном творческом созицании. Не здорово новая программа ВАКСМ, которую будет принимать Х. З.эльд, требует от любого комсомольца и комсомолки «трудовой деятельности от каждого по способностям», т. е. максимального раскрытия всех своих творческих возможностей.

Нам отчюло не чуждо стремление к самореализации. И это не значит, что мы приносим вам удовлетворение, когда они приходят как естественное следствие смешанного выдающегося дела. В данном случае выдающаяся поступок совершил не Балмашев, а его ученик. Что же несправедливого в том, что почетное имя первого стахановца завоевал и получил изучавший его отчюло не от ученика учитель?

Мы гордимся тем, что наша эпоха дает про-

1 См. в этом номере статью А. Каприенского «Эти Растения».

Марина Семенова

Очерк МИХ. ДОЛГОПОЛОВА

Марина Семенова в балете «Раймонда».

Этот выпуск в воспоминаниях летия Марина Семенова первый раз вышла на большую сцену Ленинградского театра оперы и балета, осуществленную промежуточными и огнями рамами. Участие блестящей молодой артистки — самая сказочная «королева Сирены» в балете «Спящая красавица». Дети должны были пройти через все сцену и опуститься на колени. И вот это исключительное задание было выполнено блистательной артисткой нового для нее чувства ответственности. С гордыми же чувством крепко и заставляло предъявить к самой себе, к своей учебе и работе более повышенные требования.

В 1918 году Марина поступила в балетный класс при бывшем Мариинском театре оперы и балета. В эти суровые голодные годы правительство молодых Республики советов должно было заботиться о том, чтобы в школе открыть подкреплять и поддерживать детвору. И все же неизвестно было детям в голодном и холода Питере.

При балетной школе существовало питомник, в который родители посыпали Марину.

Ежедневно, по звонку, в 8 часов утра, дети вставали и получали скромный завтрак. После прогулки начинались занятия. В больших не-теплених классах приходилось заниматься в курточках и норфотках, в гамашах и перчатках. И лишь потом, постепенно согреваясь от физических упражнений, дети снимали с себя костюмы.

Марина Семенова была девочкой очень маленького роста, болезненной и хрупкой. Подруги ее называли «Капелькой». В течение первых двух лет учебы она часто хворала, отлеживалась в аспираторе. Но, одаренная любознательной и движениями «Капелька» быстро изверглась из упражнений, наставляемых своим подругой. Будущая артистка обучалась основам классического танца, ее албусы, «станок»,

«балансир» в стены класса, дети медленно и старательно проделывали отдельные движения, на сочетания которых складывалась танец. На второй год учебы Марина попала в класс к преподавательнице Агриппине Яковлевне Багановой, в свою время известной танцовщице петербургского Мариинского театра, а также народного артистического балета. Всегда обращавшей внимание на способность девочку к обучению, она стремилась развить ее природную склонность к танцу.

Пожалуй, ни один вид искусства не требует такой напряженной и танцем «физической работы», как искусство балета. В класс приходит-
ся приносить полотенца, которые к концу урока становятся мокрыми. Одновременно студенты, и это во лицах ученицы, по педагогу требует исполнения всей суммы заданных упражнений. В результате такой работы от урока к уроку движения становятся разнообразнее, ритм бо-

гаче. Мускулы дозируются упругими, эластичными, движением постепенно приобретают легкость и способ-
разную плавучесть.

Каждый урок начинался по-
тому что во всех спектаклях. С
большим удовольствием она
изображала в балетах аму-
ров, дриад, геронтов, отно-
ясь к этой обязательной
для учащихся производст-
венной практике с чувством
большой ответственности.

На сцене Марина забыва-
дала за зарослеми балори-
нами и из машины танцо-
вать. Потом настойчивая де-
вочка старалась воспроизве-
сти ее иные из видимых
ею движений в своем классе
или балетном зеркале. И
в трудных случаях на по-
мощь к ей приходила ее
преподавательница Баганова.

Шань годы упорной, повсе-
дневной учебы.

Часы специальных пред-
метов — сменялись часами гречес-
кого и французского языков, литературы, обще-
предметических дисциплин,
истории, географии и музы-
ки. Благодаря настойчивости
и исключительной сва-
ющей дарованности усердно

занималась, Марина стала блестя-
щим артистом. В ее танце появилась грациозность и
благородство, соединенные с чудесной пла-
стичностью форм. Уже в 4-м классе, после ис-
полнения ряда ответственных ролей в школь-
ных балетных постановках («Волшебная флейта», «Надежда рабынь» и др.) о Марине заго-
ворили как о новом явлении в советском
хореографическом искусстве, стали пророчить
ей блестящее будущее.

Но эти похвалы не вскружили голову юной балерине, и она с еще большим усердством продолжала учиться.

Для нее, казалось, не существовало трущо-
стей в исполнении самых сложных па. Она не
уставала работать над мимикой и жестом —
важнейшими элементами, придающими танцу
полную гармоничность. В результате многолет-
ней учебы и производственной практики хорошо

Марина Семенова в балете «Лебединое озеро».

тренированное тело молодой танцовщицы легко движется, кружится, летит, как бы замырает в воздухе и снова летит. Так создается тот «лучший исполненный полет», о котором писал Пушкин, говоря о знаменитой в его время Балерины Истоминой.

В 1925 году, когда Марина окончила Ленинградский балетный техникум, имя ее уже

Семенова стремится к «животворящему» классическому танцу, однажды откроет его и на основе его музыкального звучания создать образ. Творческое воление артистки преобразует танец, каждый раз он приобретает иные краски, ины: оттенки.

Работая над образом крестьянской девушки Жизель в одноименном романтическом балете

было широко известно. Сразу же в Ленинградском государственном театре оперы и балета ей поручили ряд ведущих ролей («Одиссея»—Одиссей в «Лебедином озере», Катрина в «Дон-Кихоте», рабыни — в «Корсаре», синий птица — в «Спящей красавице» и др.).

В течение четырех лет Семенова с успехом танцевала во всех балетах театра, не бросая, одновременно, работы над своим совершенствованием.

Огромное хорографическое дарование Семеновой поразило, и она на праву стала «одной из лучших танцовщиц своего времени» балетного театра нашей страны.

В 1929—1930 годы Марина Семенова отправилась в большую гастрольную поездку по СССР.

Трудолюбивый советского союза любят, понимают и ценят искусство танца. В нашей стране искусство танца достигло высокого совершенства. Замечательные русские народные пляски, украинские голубки, казачьи казаки, а также «танец в прополке» горожан предстал на междурядьям фестиваля танца в Лондоне.

Народный танец всегда опровергает тщетность личности мастеров балета. И Марина Семенова, совершив гастрольную поездку по Закавказью, учащаяся танцоров Грузии мастерству исполнения горячей, темпераментной музыки.

После своей поездки Семенова была приглашена в балетную труппу Московского государственного академического Большого театра СССР. Здесь она заняла ведущее место среди лучших мастеров труппы.

Работая над образом крестьянской девушки Жизель в одноименном романтическом балете

А. Адама, Семенова серьезно занималась системой Станиславского с одним из артистов Художественного театра СССР им. Гоголя. Это было вызвано желанием создать праздничный, удивительный образ девушки, обогатить танец новыми, более сложными и действенными средствами драматической выразительности.

И эта работа оправдалась. С поразительным мастерством Семенова проводит конец первого акта, когда она обнаженная Жизель склоняет с ума. Жизель склоняет голову своей, своей танец с восхитительным, его языком, любовью. Беление овладевает ею, танец ускоряется. Жизель мечтает о сцене. Короткий промежуток сознания — и она падает мертвой. В этом балете Семенова исподволь блестяще танцует, но и достигает высот драматического искусства.

В искусстве Марины Семеновой, в ее танце, легкому и воздушному, — радость свободного творчества, неудержимое влечение шире, проникновение в глубины мастерства, лучший показатель того, что у нас не только сумели сохранить искусство старого балета, но и улучшили и развили его.

В начале этого года Марина Семенова представила искусство Страны советов на сцене парижского театра «Гранд Опера» — одного из лучших оперно-балетных театров мира. Все выступления Семеновой в «Гранд Опера» произвоздили совершенное исполнительское успехом. Парижские газеты и журналы посыпали творчеству Семеновой большие статуэтки.

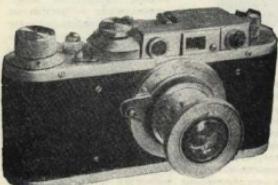
«Уверенно владея техникой, она способствует своей танцу от академической стеснительной работы, связанной с выполнением того или другого па или премьеры», — писал журналь «Элем». — Все в нем свободно, в ее исполнении кажется легким то, что в действительности очень трудно».

Журнал «Вю», описывая выступление Семеновой в «Лизиане», отмечает: «Конец акта был проведен артисткой с чувством трагизма настолько же, насколько первая часть была проявлена ею в легких и веселых тонах».

«У Семеновой в «Лизиане» необычайная уверенность техники, удивительная выразительность, превосходство. Она блестела все время, в особенности в ослепительной игре в первом акте, где ее заставили повторить «сна бис». Ее мимика, совершенно удивительная, свидетельствует о ее разуме, ее драматическом таланте».

Марина Семенова пользуется любовью и привязанностью самых широких слоев трудащихся СССР. Ее имя популярно и далеко за пределами нашей родины.

Сейчас Марина Семенова находится в расцвете своих творческих сил. Мы искренне желаем ей не успокаиваться на достигнутом и, как и прежде, стремиться вперед и вперед и совершенствовать в своем мастерстве во славу нашей великой страны.

«Лайка» — самый маленький, тонкий, всегда готовый к действию фотоаппарат, работающий на киноплёнке. Перед глазами камеры «Лайка» имеет много преимуществ.

«Лайка» имеет простую конструкцию, ее не нужно никаких настроек, достаточно взглянуть на объектив и наводить его в действие.

Заряжается «Лайка» огражденными винтовками в 15 метров, достаточными для производства 36 снимков.

Первые снимки производятся поворотом головки зарядки пленки в направлении винтовки затвора для следующего снимка.

ФЭД

Затвор у «Лайки» широкий, допускающий скорости от 1/10 до 1/1000 секунды. Вместо матового стекла «Лайка» имеет очень точное зеркало и дальномер, определяющий расстояние от фотографируемого предмета.

Если посмотреть в глазок дальномера, то увидите два изображения снимаемого предмета. Видимая за пределами дальномера, как правило, нечеткая, видимая же в дальномере, увидим, как одно изображение четко двигается и, возможно, срастется с другим. В этот момент объекту установленного фокуса, то есть в момент фотографии, сделанной «Лайкой», будут боле реки в глубину чем снимки, сделанные аппаратом со складной камерой. Такой же дальний зонд, как и у «Лайки», имеется и у «ФЭДа».

«ФЭД» имеет более совершенное изображение «Лайки», так как для получения более яркого изображения «Лайка» применяет более сложную оптику, а «ФЭД» — более простую. Это проявляется в том, что при одинаковом фокусном расстоянии, тем больше глубина размытия.

Еще два года назад такие фотографические мечты были азартом для многих.

Но вот они осуществлены. Задачи Дзержинского на своих планах, со временем выполненные, перешли советскую «Лайку».

Когда испытывали советскую «Лайку» и для сравне-

ния тут же снимали «Лайкой» одинаковый, то вероятно зеркаль и так и не могли определить, что снято «Лайкой» и что «ФЭДом».

«ФЭД» — это мастерская традиций, выработавшая в завод с большой производственной мощностью.

Капитал выпускаемых камер очень высок. Советская «Лайка» и «ФЭД» — это не просто материалы и с советским обличием, начиная от конструктивного отношения, ни по качеству своей работы — не откажутся от зарубежной.

Снимок, сделанный «ФЭДом».

ЭЖЕН РАСТИНЬЯК

Статья А. КИПРЕНСКОГО. Рисунки французского художника ШАРЛЯ ГЮАРА

Многие буржуазные романы трагичнее ваших «трагедий» — бросил как-то Бальзак взволнующую фразу писателям-романтикам. Он с полным правом мог назвать свои романы трагическими. Почти все герои его книг испытывают на себе жестокое и резкое действие общества, вынуждены стать с его беспощадной властью денег. В особенности номинчак, молодые люди, вступающие в жизнь, meet как ганни, неумолимо коверкает эта всевластная сила, управляющая обществом.

Герой Бальзака одержим страстью к деньгам.

Молодые люди буржуазного общества, начиная с юношества, преследуют — дают, открываящий все двери. Деньги проникают в положение в семье, здравии, блаженстве, наслаждении, они одни могут удовлетворить честолюбие. Это не припугнуло романтика, наделавшего своим персонажем единой всеуподобляющей страстью: власть денег и обусловленную им волю всех привлечь. Быть может, потому, что в «трагедиях», которых пишут эти романтики, он не замечает: писатель бывает только «естественным историком» современности ему общества.

Детские и юношеские годы Бальзака (родился в 1799 году, умер в 1850 году) врезались в память писателя. Они были богаты историческими событиями, но не отрывались от жизни современных и культурных потребностей, визавийской Великой французской революцией, как для всей Европе проявились гром наизнанку: власть промышленного капитализма, наложившего сплошной венец на всю Европу, — это то, что обнаружилось всемирностью денег. И сам Бальзак, принадлежавший к буржуазии, которую революция сделала подлинным общества и государства, бросился подобно своему героям в борьбу за жизнь, за карьеру, за богатство. Он сам испытывал всю изнурительную тяжесть этой борьбы.

Бальзак отличался упротром и силой воли. На ее глазах безвестный коронщик превратился во всемогущего императора Наполеона. В комитете Бальзака стала статуята Наполеона, и на ножках шага писателя красовалась горделивая надпись: «То, что он не мог завершить шагом, я исполню пером». Всю свою жизнь, посвятив Бальзак осуществление этой честолюбивой мечты. Он работал, не переставая, и написал 80 томов, которые лежат около трех тысяч переписок.

В творчестве Бальзака восторженно отразилось общество, в котором он жил и боролся. Он стремился изобразить его с правдивостью и точностью истории, разложить его, как химик, на составные части, найти управляющие им социальные законы. С этой целью он привнес в свое творчество элементы официальной науки — «Человеческую комедию». Он не выставил своего плана целенаправленно, но и то, что он сделал, достаточно грандиозно. Энтузиаст писал, что Бальзак дает в «Человеческой комедии» самую замечательную «французскую историю французского общества». Там признано, что Бальзак — «величайшее хранилище документов, оставленное для будущего поколения». Бальзак, говоря, что Бальзак «занялся на деньги весь странский пафос, в них заключающийся», что «он создал натуралистический роман, точное изучение общества... со смелостью гения изобразил в своей обширной фреске целое общество, сплавленное с тем, которое было у него перед глазами...»

В 1834 году Бальзак написал один из за-

Хотя он уже обращается со своим героями и в будни домашней пропагандой одежду, все же он никогда не приводится, как это побывает светскому молодому человеку.

Бальзак. «Ответ Горю»

мечательнейших своих романов — «Отче Горю». В этом романе обнажены все пружины, двигающие буржуазным обществом. Бальзак наряду с драмой отца Горю показал судьбу молодого человека XIX века, вскрыв процесс ее формирования. Результатом этого процесса было внутреннее опустошение привычного благополучия, которое трагично вскакало в «Такома» истории молодого Растильяка.

Бальзаковский Растильян в принципе обычно определяют как карьериста и честолюбца. Но сущность эта, верно, то Растильян не сдался бы Бальзаку. Вместо этого Растильян превратился в карьериста и ханой циником за свое благополучие.

Дладицкий-художник юноша, сын бедного промышленного дворяниня, попадает в Париж, куда родители отправили его «с большими надеждами и малыми денежками». Бедный скромный студент поселяется в дешевых меблированных комнатах.

Но вот Растильян — типичный провинциальный молодой человек. Им еще целиком владеют наимоны детства. Мягкость, прямота, скромность, доброта — вот черты его характера. Получив от матери и сестры письма, свидетельствующие об их самопожертвованиях ради него, он воскликнет: «О да, да, вы работаете по чистоте душевы! Этим образом вы оплатите инспекцию сокровищем. Я хотел бы примириться и разом все счастие, какое есть на свете...»

Растильян хочет добиться счастья и для самого себя. У него грандиозные планы, он ощущает в себе силы для того, чтобы выйти из скромничательной нуды и завоевать независимое положение в обществе. Но как это трудно осуществить!..

1. Растильян введен в 20 книги Бальзака. Молодой Растильян показан в романе «Отче Горю».

С одной стороны — «светский» Париж, в который он вступает, «безумная пышность, мотовство, содержание... воинственный блеск», а с другой — пансион, в котором он живет, «хлодильная столовая, где восемнадцать наследников, сопровождаемые эпитетами в холуя, готовились сесть за стол».

Жизнь тут его на каждом шагу, что завоевать мир — это значит прежде всего завоевать деньги.

По дороге к дому мадам де Ресто — светской женщины, в славу которой он надеялся начать свою карьеру. «Седаны, экипажи, стулья в холуях, винные бары, перепутанные, бледные чайные, обувь пришла ее в пороком. «Буду я богат», — сказала он, — и поехал бы в карете и мог бы мечтать в экипаже, сколько мне угодно!»

By другую раз, склонившись пред лицом двери ее дома, Растильян решает про себя, что всесторонний он будет вином, «чтобы угодить Ресто, чтобы сама она любила. Но он забыл, что для того, чтобы бывать в этих словах, нужны деньги. «А где деньги? — спросил он себя. — Где ты возьмешь их?» С такой же горечью герой другого романа Бальзака «Погибшие мечтания», молодой неудачника Алюсса, воскликнет: «Боже мой, всходу к земле! Я не могу сказать ни одна словеса!»

На глазах Растильяна разгорается потрясающая драма старика Горю.

Горю — буржуа, наиважший состояния склоняющимся во времена революции. Но для него дороже всего семья. Потеряв жену, он всю любовь и искренность отдал двум дочерям. Все свое состояние и даже меблировку он вывел в землю: землю, на которой Ресто, другая балерина Ниссентина, — а сам последние дожил свои дни в меблированных комнатах. Но неблагодарные и бессердечные дочери, которых Горю «коиномпетирует» в свете, отвергают отца... Занятые светским интригами, они не призывают к отцу даже табака, когда он умирает. Их не интересует, что делал отец. Горю воскликнет: «Ах, если бы я был богат, если бы я держал деньги у себя, если бы не раздал их... дочери были бы здесь, они заняли бы мне земли сонмы подсобными... они пахали бы, и мыши не пролзали бы сквозь, и дети их... За деньги можно купить все, даже... дочерей. О деньги, где же вы?»

Горю умирает в земле, эта земля, Растильян испытывает еще одно сильное переживание. Его сосед по пансиону, белый католик, аристократ Ветрен, раскрывает ему глаза на механизм буржуазного общества.

Он получает молодого человека: «Быстро обогащением — вот задача, которую пытаются разрешить в настоящую минуту пятьдесят тысяч юношей, находящихся в вашем положении. Вы можете увидеть, как они, сидя в парижских театрах, смотрят на землю и на здания, где нет ни к чему...»

И вот вспыхивает в нем ярость. Что же делают юноши Растильяна, чтобы добиться «хлодящего места» в жизни? Воровать в обществе, «как пущенное ядро». И Ветрен предлагает ему верное средство обогатиться. В пансионе живет девушка, взлюбленная в Растильяна, дочь архимандрита Тайлера. Отец отстранила ее от наследствования, желая передать свое богатство сыну. Стоит только убить сына — и Ветрен

берется за это — и все состояние перейдет к дочери и спасительнику, к Растильнику, ее будущему мужу.

Растильник сначала отказывается: план Вортера ускользает его, но жизнь ставит ему прямой вопрос: ком ты хочешь быть? Жертвой или падлом? Растильник видит, что война за деньги ведется с безжалостной жестокостью. Перед этой войной бледнеют картины наполеоновских сражений, в войне нужны решительность и беспощадность.

И Растильник задумывается над вопросом, с которым французский писатель Руссо когда-то обратился к своему читателю: что бы он сделал, если бы мог обогатиться, убий в Китае старого мандарина одной толпой своей людей, не двинувшись из Парижа? Другими словами: способен ли он на предательство? Растильник спрашивается об этом из своего друга Бланшиона.

— У тебя прекрасная душа, Бланшион. Но скажи, если бы ты любил женщину до полного душевного переворота и если бы ей нужно было дешево, много денег для нарядов, для ювелирных украшений?

— Но ты отвечаешь на меня рассудком и хо-
чешь...

— Ну так вот, я склоня ума, Бланшион, вы-
мечи мени. У меня две сестры, девушки артель-
ской красоты и добродетели, и я хочу, чтобы они были счастливыми. Где же мне достать 200 тысяч франков на их приданое через пять лет? Бла-
нишон, не зижди в жизни обстоятельства, ко-
гда нужно играть круто и не трястись свое счастье...

— Не ты ставишь вопрос, который возни-
кает у каждого перед испытанием в жизни,
и ты хочешь раздобыть гордые уделы мечом. Чтоб действовать так, друг мой, нужно быть Александром Македонским, в противном случае на катеру!...

В самом деле: что ему мешает раздобыть гордые уделы Святой Отечества? Но что такое святой отец? Растильник это уже знает.

— Париж — ван — портное-таки болото, — говорит он.

— И преломленное болото! — отвечает со-
беседник. — Кто пачкается в этой грязи, сидя
в карете, — тот честный человек, а кто грызет

и — «человек», ехал вступив туда ногой, по-
тряхнулся по ногам...

Вортер предлагает ему бросить добывать ма-
лоден. Вортер доказывает ему, что «сундуктель-
но всегда хотят и не могут», тем более ему. Ра-
стильник, не маловорономолодому человеку из породы мигрантов, а юноша «с лихорадоч-
ной кровью» ляжет и такси апстометом, что он спо-
собы сделает двадцать глупостей в день».

Вот дьявольская ретортика, в которой тысячи дьявольских аргументов все корыстные качества буржуазного общества соединены в одно: раз есть душа молодого человека, то Растильник формируется по подобию общества. И Растильник известен. Он еще пробует рассуждать, отставать свою идеализацию. «Остаться верным добродете-
ли — зычайшее мученичество. Ба! Все верят в добродетель, но кто же добродетелем? Наро-
дом считаются добродетель и нравственность, но есть ли такое слово «добродетель»? Могут ли еще есть чистое как белое лебединое небо. Хотите вспомнить и богатства — разве это значит решиться лгать, гнуться, позирать, пресмыкаться, льстить, при-
творяться? Неужели надо идти в лавки к тем, кто тоже лгал, позирал, слизывая спину, пресмы-
кался? Прежде чем стать их соучастником, на-
до слушать им. Ну, хорошо. Как бы не было! Я иду вперед, я буду работать днем и ночь, я буду обезян своим состоянием. Конечно, это будет сделано очень медленно, но каждый день я буду ложиться спать без дурных мыслей. Что мож-
ет быть прекраснее, когда смотришь на свою жизнью и находишь ее чистой как молния? Я и
знаю — все равно что жизнь и невесна. Вор-
тер — это тот, кто обретет через десять лет по-
брода. Чорт возьми, головаjurится. Не хочу думать ни о чём. Буду слушаться только
проклятых лекарей!...

Но с каждым днем он все больше убеждается, что Вортер прав: в жизни надо привыкаться подобно пущенному ядру или отрываться от него. И Растильник думает, что «врываешься в мир, чтобы уйти, тогда как на самом деле океан простирается перед тобой».

Растильник медленно стоит на перепутье: он действует так, как вынуждает его буржуазное общество всем своим бытием. Он беспомощно решает: «Я достигну» — оттенив избирательным движением наставление бледной женщины: «Будь счастлив!»

Через преступление, через залоги светской женщины, связь с которой превращается для юноши в средство насилия, через отказ от благородных идей — вот путь, которым идет Ра-
стильник, молодой человек буржуазного обще-
ства, к могуществу и богатству.

В тот день, когда он один, сопутствуемый тем самым Францином и слуганкой, следовала за пробом покоренного «добрая» Горю, он увидел у своих ног кудесников Парижа. И он бросил ему языки:

«Ну, теперь кто горд озло?»

И Растильник «зодчий», добравшись того, чего хотел, он стал богачом, паром Франции, мини-
стром. Он богат, но это богатство служит для него лишь средство насилия над жизнью. Он прекрасно одевается, он даже законодатель мод, и, конечно, он уин не загрязняет своей обувью, а сядет в карете, он царит в свете, — одним словом, он «салонный лен». Цинизм Вортера, но

— Париж — портное-таки болото, — сказал Евгений
с видом отвращения.

— И преломленное болото, — продолжал Вортер, — кто в
нем пачкается, сидя в карете, — тот честный человек, а кто
грызит себе сапоги, — тот негодяй...

Бальзак. «Отец Горю».

цизии, ученеческий, светский, становится его исполнением. Растильник в своей деятельности не руководствуется никакими идеалами, не пред-
сматривает никаких благородных целей; вся муд-
рость заключается для него в этом «беззабот-
ном» отношении к жизни. Ведь в обществе ниче-
го неизменяется! Стоит ли они горечи от сознания «утраченных наложений», стоит ли они
заняться «занятием»? Стоит ли они горечи от
этого положения? А лучше оставаться говно! Лучше оставаться говно, как все, и въехать из этого положения все материнские ногти!

Растильник — министр, но это звание только утоляет его честолюбие. Положение министра как и богатство он использует только для на-
слаждения. Власть, положение в свете облегча-
ют ему победы над женщинами, которые теперь
входят в свой связи с Растильниковым степень к
благородству. И вспомни о том, что в свое время видел в них средство восполнения на
вершину буржуазного благосутия. Блестя-
щий, богатый, взадиальный, но окончательно утраченный «линейной чистотой» юности, легко
мимолетно-беззаботно относящийся ко всему, кроме
своих личных интересов, преображеный
беспринципностью, склоняющейся
животом, Растильник в распоряжении имеет
врывающееся полного внутреннего опустошения и
бесволия.

Раде Бальзак не прав, и эта победа над
«светом» — это трагедия?

Бальзак с потрясающей правдивостью из-
образил современное ему общество. В этой
правде захлопывается самая едкая, разруша-
тельная критика буржуазного общества.

Бальзак показывает, что чисто-честническая коме-
дия не может быть беззаботной, потому что в ней
и неизвестным образом передавалась ему капитали-
стической страной. Бальзак не видел выхода из
этого мира разделения, где даже юность не
только не оградила боли от грязи и то, но, на-
против, прежде всего выталкивалась в нее.

С судьей Растильника захлопывается беневолен-
тическая судьба всех молодых поколений

Так же, как и судьба молодому поколению Северной страны,

которая возвращала юности ее чистоту, да ей

возможность достичь вершины свободной и

творческой жизни, не погружаясь для этого в

«океан грязи».

Оставшийся один, Растильник вошел на
кладбищенский холм и увидел Горю, рас-
кинувшийся по обоим берегам Сены...

— Ну, теперь мы с тобой покончим!

Бальзак. «Отец Горю».

себе сапоги, — тот негодяй. Слизанные насквозь
и набиты беспределом — и вас потащат в суд и на
вас будут указывать пальцем как на редкость,
а стартите милицию — и вас превознесут во все
салоны как добродетельного человека. Мы пла-
тим 30 миллионов министерству внутренних
дел и полиции, чтобы поддерживать этот по-
рядок вещей. Прелести, что такое!

Со всех сторон он слышит то же самое:

«Свет пускай и зол, ... относится к свету,
как от него засыпывают».

«Свет — это собрание глупцов и монголи-
ческих пиджаков», — говорят де Лассоны. Он видит драму Горю. Он слышит, как блеска-
ет эмалью, мадам де Ноисенг, говорит от-
цу, что муз «покупают у меня юность и свет в Эйзенхайм»:
позволяет ей грешить, чтобы она позвоила ему
делать преступления — разорвать бедных людей.
Мир, в котором каждый живет только для се-
бя, представляется Растильнику «океаном гра-

ФАЛЬШИВОЕ ИСКУССТВО

О ФОРМАЛИЗМЕ

Статья Дм. ЛЕБЕДЕВА

Решительный штурм позиций формализма начался у нас с редкой оркестровой оперой Шостаковича «Лади Макбет Мценского уезда»¹. Обрушился удар на эту низкопробную формалистическую страну, на этот «музей вместо музея», «Правда» подняла вопросы большого, принципиального значения — идеи формализма в нашем искусстве, о необходимости борьбы с этим явлением, чуждым духу нашей эпохи и нашего общественного строя.

Что такое, вообще говоря, формализм?

В широком смысле слова формализм в искусстве — это попытка оторвать от содержания, это стремление представить художественную форму (сочетание слов, звуков, красок) как самодовлеющую, начальную в творчестве. Формализм — это, по существу, пропаганда безидеинности. Возникший на почве духовного разброда эпохи культуры, пропитанный свойственным этой культуре индивидуалистическим мириадообразием, форма, принципиальная, яркая, социалистическую творческую глубоко насыщенную и глубоко кол质感istическую форму своим принципиям.

Искусство, разумеется, имеет свои законы, свойственные только ему. Было бы неправильно обложить все законы, свойственные искусству, одними только социалистическими принципами. Грубо симпатет тот, кто, например, особенную систему в картинах знаменитого художника Рембрандта обясняет своеобразием развития голландского горшкового капитала.

Но в то же время вскоре политическое искусство, воспользовавшись удачей, настроено в общем. Особенности общественного строя определяют весь строй, дух искусства. Сила искусства — в его связи с народом.

Не случайно наиболее решительное наступление на формализм началось именно сейчас. Гитлеризм, фашизм, национализм, германские чувства, воспетые альпийской, а меланхолии, поддержанной, интонациями переживаниями изразцами индивидуализма. Музыка эта преобразует содержанием во имя формы, естественной жизнью во имя пуританской требований.

Чем основная вина, вернее, беда композитора Шостаковича? В том, что музыка его чужда советскому человеку. Музыка, воспевающая любовь, счастье, патетические, германские чувства, воспетые альпийской, а меланхолии, поддержанной, интонациями переживаниями изразцами индивидуализма. Музыка эта преобразует содержанием во имя формы, естественной жизнью во имя пуританской требований.

Шостакович — замечательный, мелодичный стонущими, хрестоматийными, характерными для эпохи музыки буржуазии. Шостакович отталкивается от прекрасного музыкального наследства великих русских композиторов (Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского) во имя оглушенительной, эмоциональной музыки, порою даже патологической, как в опере «Капулетти и Капулетти». Шостакович делает из житейской, реалистической повести Лескова бесмыслившую шумовую игру, рассчитанную на любителей «смысловых ощущений», издерганного западного буржуза.

Музыка Шостаковича не имеет ничего общего с содержанием повести Лескова. Она может быть перенесена в любую другую эпоху, в любую другую среду — и везде она будет одинаково чужда содержанию, одинаково искусственна и сумбурна.

Социальное значение искусства совершенено не занимает формалистов.

Разное случайно, что такую величественную тему, как «Ленин», композитор Шебалин сделал предметом фальшивой звуковой экзальтации? Разное, например, что вспомнили для этого тему «Большого балетного концерта». Шостакович то, что он «индустриальное» музыку балета «Болт» перенес без труда в «колхозный» балет «Светлый ручей», а тем самым забыл движение в «Золотых горах» избрал органичную форму? Идеиность принципиально чужда формализму, а безидеиное искусство — не искусство.

Нельзя забывать о том, что формалистическое искусство Запада даже тогда, когда оно припринялось маской революционности, на деле оказывалось искусством реакции. Одни из первых фрунзенцев, которые вспомнили для этого тему «Большой фабрики» и это нападение на Абелиссона. Французский формалист Мак-Ораль также принадлежит к фабрикам. Наоборот, болгарское революционное искусство Запада (Роман Роллан, Барбюс) принципиально враждебно формализму.

Поднятый «Правдой» вопрос о музыке Шостаковича очень скоро перестал быть только вопросом политики, ведь он был композитором, а превратился в принципиальный вопрос развития всего советского искусства.

Формализм как течение, противопоставляющее себя методу социалистического реализма, имеет своих последователей и в литературе, в изобразительном искусстве, в архитектуре — в самых областях «индустриального художественного труда». Борьба с ним поэтому и очень труда и очень важна, так как она имеет глубокое общественно-политическое значение.

«Литературная» газета, например, упрекнула Шостаковича за замечание, выразившееся в статье «Правдой», в адрес советской литературы. Она писала, что эти вопросы касаются только музыки. Но когда, например, ходят венцы писательской общественности такие темы, как возвращение в обсуждение вопросов о формализме, о безидеином искусстве, то вопрос имеет для литературы первостепенное значение. Оказалось, что и здесь много словесной абракадабры, голого словесного трио — частично вроде «Цыганской распадиницы» поэта Соловьевского, в которой слова заменены бесмысленными, заужокочтанием. Оказалось, что и здесь поговорка «Фигура выражает мысль» становится иногда «творческим методом» этого или иного поэта.

В своей статье о формализме А. М. Горький пишет: «В литературе вопрос формы — вопрос эстетики, вопрос о красоте. Для языка, как и для Пушкина, вопрос о красоте — вопрос о форме». Вместе с тем, форма выражается проприетарным языком здания. В эстетике — учение о красоте — формалисты утверждают, что красота создается и выражается в гармоничном сочетании языков, красок, линий, которые притянут зрителя и сделают ее по себе, как таковая является посредством ее».

Соединение линий в архитектуре, игра линий в орнаменте, сочетание красок в материях нашего пластика, стройность, изящество, удобство форм посуды и различных предметов домашнего обихода иногда также великолепны и прекрасны, как прекрасна молдавия в музее. Вместе с тем, форма выражается в музее, а не в жизни, и в музее ее не видят и не ценят.

Формалисты, в свою очередь, как «литературный прием» чаще всего слагают для пропаганды пустоты или антнтические думы. Человеку хочется говорить с людьми, но сказать ему нечего, и утомительно, многословно, хотя иногда и красиво, слово подобранными словами он говорит об всем, что видит, но чего не может, не хочет или боится понять».

Художественная фальшивь, отрыв от действительности, троекратство эти черты формализма далеко не являются еще в архитектуре.

¹ Одна из этих была записана на сюжет одноименной поэмы Лескова.

Так художник-формалист Бела Уиц изобразил рабочего, разрушившего первых машин (аудитора).

Формализм не считается с массами: он ищет поклонников и последователей в среде немногих, так называемых гурманов. Формализм не видит и не хочет видеть повышенных запросов, которые предъявляют сейчас к искусству рабочие и колхозники нашей страны.

Глубоко неправы те, кто подобно писателю Олеше и сейчас смотрят на Шостаковича как на теня, краиня его с.. Мощартом. Говорят так — значит признавать, что в советских условиях возможны существование теня, принципиально чуждого социалистического искусства. Чем же это объясняется? Помимо того, что в Советском Союзе есть последователи, иначе, иначе — признать теневое присутствие Шостаковича социалистическим, либо отвергнуть представление о Шостаковиче как о гении. Говорят это, мы вовсе не стоим под сомнение будущий путь Шостаковича. Поразил со своими формалистическими установками, Шостакович — а он еще молод — сумел бы стать в ряде подлиннейших творцов советского искусства, но только при условии полного разрыва с пропыльм.

Отсюда идет и инопланетность поэта Б. Пастернака, который на диспуте о формализме презирал ее тем, что он помыслить колонкентицизм только через пять лет после того, как ях колхозах узнала вся страна, что такое супрематизм!

Осьода идет и прославление Валерия Хлебникова Николаем Асеевым. Надо знать, что поэзия Хлебникова не имеет ничего общего с советской культурой. Хлебников, который привнес в советскую литературу и живопись и китайские языки, которой писала «серая тощотомия», «мечтала», «бледнела» и тому подобное, способную белесовато, был в полном смысле слова отцом русского формализма. Пропаганда Хлебникова является поэтому пропагандой формализма.

Борьба с формализмом, начатая партией и поддержанная широким слоем советской общественности, выявила существенные недостатки нашей критики, не сумевшей по-марксистски подойти к вопросам художественного творчества. Характерно, что поскольку речь идет о Шостаковиче, то комментаторской манипуляции, недопониманий его творческой биографии подверглись «авторитетами» (например Антицыком), которые истерзали поддержку у воспевающих дифирамбами Шостаковича критиков. А между тем молодежь смутно чувствовала всю фальшивость дифирамбов.

Борьба за культуру в литературе формалистического прошлого является также подлом противонародных занятий. Она восходит к тому же антильному духу Томаса Джея, который попытался за 700 страницах изобразить переливания человека в течение одного дня, включив сюда грубое изображение всех человеческих отрицаний, вплоть до посещения уборной и т. д.

То же явление мы видим и в живописи. И здесь формалистическая критика (А. Эфрос, Мара, Новицкий), формалистическое творчество художников Малевича, Штернберга, Лентурова имеют своим истоком болезненную, мечущуюся жизнью по борьбе с обществом, с обозначением отвратительных явлений, то в извращенной артистике. Французские художники-формалисты достигают, например, в своих произведениях необъяснимого совершенства линий, но идейное содержание, а часто и сама эта вещь остаются тайной даже для самого художника, так как эти вещи не имеют назначения.

Но это еще не все. У художников-формалистов — страсть ко всему патологическому, неестественному, безобразному. Так, Шостакович солдат в «Леги Малбет» раздирает ухо взаимо. Так, Лентуров в «Портрете» несет обнаженную женщину в извращенной попытке портрета, выставляющей вперед эту жертву суррогатного изнасилования. Так, Тышлер рисует уродливые комы грязи и серию многоцветных червей и отважно называет это «сирингами».

А. Фоминская нарисовала комсомолку, у которой лицо искалено страшными конвульсиями

и которая скорее напоминает мрачные персонажи Гоголя чем девушку Советской страны.

Особенно опасны и прямо преступны становятся это фальшивое псевдоискусство, когда оно находит себе применение в книге для детей.

Волнобоязнь сказка о Коньке-Горбунке, которая радила целью исполнения детей, превратилась в какой-то театр ужасов, в глупый пасквиль на русскую народную мудрость после того, как ее «пронализирована» художник

Формалистское фокусничество сказалось и на работе некоторым высокодаренным художникам. Галантный Бела Унг пытается создать образы аудиторов (разрушителей машин), и у него вместо рабочих получились галлера бандингов с бескомиссионными мордами.

Использование наизнанчивые формы внес формализм в литературу и в живопись.

Здесь «запод» формалистская штукарей К. Мельникова «прославляется» бездарным зданием клуба коммунальников на Стромынке, производящим на зрителя впечатление какого-то неадекватного нагромождения стекла и бетона, созданного человеком с суммыгинским рассудком.

Подлинная строительная архитектура от этого не страдает, а величие считается с тем, что дом есть прежде всего место для жизни, уединение конструкции, разводящие к человеку — вот что отличает архитекторов-формалистов.

К. Мельников, И. Ходорковский, В. Лебедев и И. Трансваальянц разработали проекты зданий на Красной площади на Красной площади, в которых 16 из 51-х зданий были находиться... под землей. В лифте дома на Поварской, 37, формалисты забыли устроить... платы. Одни из экспериментальных домиков, воздвигнутых Мельниковым, напоминают нето застекленные, нето... автокорабль, учреждение общественного пользования.

Были бы утомительны и неблагодарны для зрителя «сипиды» всех формалистических выставок в всех областях литературы и искусства.

Формализм враждебен позитивной художественности, враждебен социалистическому реализму, враждебен советскому человеку, идущему правдивого и яркого искусства.

Поданные большине таланты, даже если они на известном этапе своего творческого развития поддавались влиянию формализма, рано или поздно избавлялись от него. Правда, вспомним, что неизвестность всегда связана с лучшими идеями эпохи, поэтому она не может быть формалистской, то есть бездарнейшей. Таков Малковский, который отдал дань формализму в своих ранних футуристических произведениях и который, став советским поэтом, обособил свое творчество от этого влияния. В этом отношении, Малковский является образцом для всех советских поэтов.

Вина против формализма, против фальши, против уродливости и сумбуря в советском искусстве является большим и ответственным делом всей нашей культуры. Об огромном значении этой борьбы для коммунистического воспитания молодежи говорит в своем блестящем оратории на Х Съезде ВАХСМ товарищ Кошкин. Голос о росте художественных вкусов молодежи, товарищ Кошкин потребовал от писателей создания реалистических произведений, стоящих на уровне лучших произведений мирового искусства.

Наше искусство должно быть достойным этого общества, которое мы строим под руководством партии Ленина — Сталина.

Безобразное нагромождение стекла и бетона представляет собой выстроенный «лабиринт» архитектором К. Мельниковым клуб коммунальников на улице Стромынке, в Москве.

Розенфельд. Какие-то тулы морды вместо человеческих лиц, деформированные суставы, переплетенные конечности — все это поддается изображению. Розенфельд, несмотря на свою страшную склонность к извращению, не может избежать формалистской машины в детских книгах основательно обсуждаемой на страницах «Комсомольской правды». Понадобилось только немного запнуть в эту литературу — и формалистский мусор посыпался оттуда в неслыханном изобилии.

Нелепые рисунки художника-формалиста А. Штернберга к детской книжке «Страна драконов», изданной ОИЗом. Рисунок слева должен изображать... неянного щенка... Однако Штернберг не щадит не только животных, но людей. Об этом красноречии говорят рисунок справа.

Драгоценные старушки шептали о «каре божьем». Ворожбы и знаменования, бормоча заклинания, жгли коровий помет. Потом с горящими кострами подняли волы. Каждый из них уверял отпугивающие иконы и заклинания могут умножествить небо и оно пойдет на землю обильный, спасительный донец. Но солнце покрежнему жгло, и еще страшнее казалось духота ночи...

Задыхаясь, перекинувшись боком, старухи плакали как сузаны склоном. Аисты деревьев свирепствовали на глазах. Вздохнувшись, птицы с раскрытыми кловами беспокойно носились над выжженной степью...

В иные деревни и села поднимались на колесах. По пыльным дорогам тянулись бесконечные обозы беглецов. Бежали по ночам лошади полосатые на хвостах, как амурские леопарды. Тут же на обочине дороги, масках захватывали умерших и снова бежали прочь от мглы, тюбоям и страшной, потрескавшейся земли.

В эти дни короткие строки газетных телеграмм кричали о голодах, громадных районов, о смертях, о сумасшествии, о людоедстве, о отсутствии достоинства и беспринципности ребят.

Страна Россия не знала лекарства от страшной болезни завоеваниях своих помех.

Когда в 1891 году волжские крестьяне были разорены неурожаем, царское правительство отпустило и долг 40 миллионов голодавшим людям 48 миллионов рублей. Но рубль с четырьмя чеками! Едва ли кто-либо чисто разумными средствами все-таки зевалась на ноги, чтобы снова дрожать от страха перед новой назившейся «божьей изюйзой».

ДЕКРЕТ против ЗАСУХИ

Очерк П. ЛОПАТИНА

Вчера я был у тех, кто передает географию моей страны. На столе лежали земные реалии, сделанные из фанеры, стекла, краски, салфетки.

С детским лет знакомые очертания Волги, Дона, Каспийского моря были ком-то изменины. Реки были влагалищами. Кто-то дерзко покозыгайчил на землю повернувшись: прошел через пустыни водяные потоки, отбросив пески, наполнили зодей остановленные реки глубоким катоганием.

На гравированной карте я искал знакомую родину Волги — и не мог найти ее.

Ее здесь нет, — это земи по-дешеву старый, склонный кипернер. — Здесь наше будущее, наше «завтра». А прежняя Волга — почти «свара». Вместо Волги родится нечто новое. Как назвать это новое, я еще не знаю. Мне пока еще не удалось это представить себе в полном виде. Сию минуту уверять, что не так просто. Судите сами: волжская вода перемешалась с водами Печоры, Онеги, Сухоны, Северной Двины, Дона, Озера Воли, Лачи, Кубанско-превратится в какой-то призрак Волги. Согласитесь, что для человека воспитанного на старой географии земного шара, это по меньшей мере, несколько необычно...

И старый инженер рассказал мне действительно поразительные вещи о завтрашнем дне моей страны.

ВРАГ

— Вы знаете, что такое мгла, суховей и побои?

Это горячий воздух, засыхающий пустыни.

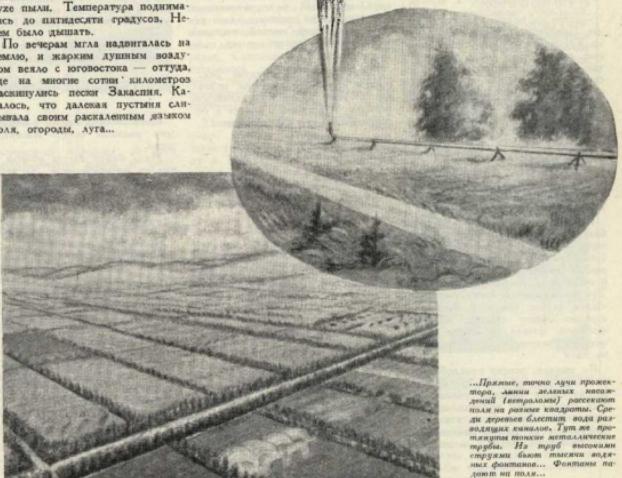
Будто по какому-то тонкому расположению, через определенные промежутки времени, суховей обрушивался на Землю, неся с собой засуху, неурожай, голод и смерть.

В эти страшные дни стон стола земли, зажимал.

Солнце и ветер выжигали землю. Земля, сухая и твердая, трескалась, и ее темные трещины говорили о смертельной жажде.

Порывы ветра срывали желтую, испалую траву, и гулко речной волны, всплески волн, на полях. Солнце становилось красное, без блеска — так много было в воздухе пыли. Температура поднималась до пятидесятиградусов. Нечем было дышать.

По вечерам мгла надвигалась на землю, жаркая, аутистичная, молчаливая, с юношескими оттуда, где на многие сотни километров раскинулись пустыни Эдессии. Казалось, что далекая пустыня сандышала своим раскаленным дыхком поля, огороды, луга...

...Прячите, точно лучи прожектора, линии земельных инженеров, иначе они сожгут вас на полях на ранние кондитеры. Среди деревень блескят вода разливов, вода из колодцев, вода из трубопроводов, вода из металлических труб. Но требуют высокими температурами, требуют водяных фонтанов... Фонтаны подают на поля...

Календарь «СМЕНЫ»

ОТКРЫТИЕ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

Наконец — полюс. Награда трех столетий. Моя мечта и цель в течение двадцати лет. Наконец, полюс — мой. Я еще не могу этого мыс Колумбия. Туда должны были отправиться четыре партии, одна из другой, с продуктами и всем необходимым.

*Суперблокка книги Р. Пирса
„Северный полюс“.*

однажды. Все кажется таким простым и само собою понятным», — так писал в своем дневнике Роберт Пирс 6 апреля 1909 года на 89° 57" северной широты.

Роберт Пирс был одним из самых замечательных исследователей, которых знает история полярных открытий. У Пирса была гамма обеих ступней, и у него отыскали на ногах семь пальцев. Тем не менее у него хватило мужества и энергии продолжать ужасающий по трудности поход к полюсу, когда температура спускалась до 60° по Цельсию. Даже привычные вспомогательные — его спутники — изнемогали от жестоких ветров, и некоторые из них убегали домой.

При тщательно и умело подготовке свой переход к полюсу. Центральной базой был назначен

ПЕЧАТНАЯ ПОДАЧА

В Москве, на Никольской улице, рядом с Греческим монастырем, царь Иоанн Грозный «повелел устроить дом от своей казны, где

Так выглядел старинный печатный двор в Москве.

бы печатному делу строиться». В начале 1563 года Печатная палата — первая на Руси типография — была отстроена и оборудована при деятельном участии Ивана Федорова, дьякона одной из кремлевских церквей, и его помощника Петра Мстиславца.

17 апреля 1563 года началось печатание первой книги — «Деяния апостольские», или, как ее сокращенно называли, «Апостол». Год спустя «Апостол» вышел в свет. Книга была напечатана на прекрасной голландской бумаге, украшенная заставками и гравюрами из дерева. Иван Федоров спрavedливо считается замечательным художником печатного дела.

Но судьба Федорова была очень печальная.

Переписчики книг, видя в печатниках опасных конкурентов, стали обвинять их в ереси. В один прекрасный день толпа, возбужденная подстрекателями, бросилась к пе-

Мигуэль де Сервантес Сааведра

Трудно представить себе жизнь более насыщенную приключениями, нежели жизнь гениального испанского писателя Мигуэля де Сервантеса Сааведра.

Двадцатилетний Серванте поступает в армии и храбро сражается с турками при Лепанто. В этой битве Серванте лишается левой руки — «для вящей славы пра-вой», как он любила говорить в последствии.

Возвращаясь в Испанию, Сервантес

Борисов в Голландии, Саркисов попал в плен к афганистанским партизанам, у которых проблемы пять лет.

На родине ему дважды пришлось отбывать тюремное заключение из-за связей с растаратами, современниками другими лицами. В тюрьме был издан здадуман роман «Дон-Кихот» — один из величайших произведений мировой литературы.

Прошли века. До сих пор «Дон Кихот» — одна из любопытнейших книг во всем мире. Значение романа в том, что герой Сервантеса стал великим художественным образом. Самоотверженный «крыцавый пчелочного образа» жаждет служить человечеству, но не умеет применять своих сил с пользой, и понимает действительности.

23 апреля 1616 года Сервантес умер. Долгое время могила его была забытой, и только в 1835 году в Мадриде был поставлен памятник с надписью «Мигуэль Сервантесу Сааведра — царю испанской поэзии».

ЗАМЕТКИ ОБ ИНТЕРЕСНЫХ КНИГАХ

БЫТОПИСАТЕЛЬ
СТАРОГО УРАЛА

М амин-Сибиряк вошел в историю русской литературы как классический бытописательского старого промышленного Урала XIX столетия. «В произведении этого писателя...» — отмечает Ленин: «Развитии капитализма в России...»

Быт старого Урала изображен в Мамине-Сибиряке с предальпийской рельефностью. Перед читателем проходит картина ма-сивных отчесенных алебастровых глыб, кипящих горных рабо-дачес с их мерзкой и хищ-ной челядью, хитрых купчи-толстосумов и представителей басаренного и рабочего люда: звон-кого кирзовоплетевого буракадо. Книга Мамин-Сибиряка, ко-гда мы горюч рекомендуем пропустить ваши читателям (Мамин-Сибиряк). Избранные сочи-ния. Изд-во «Художественная литература», 1935, 558 стр.

Вот каким образом я узнал о его рассказах, которые вместе со звездопадом романом «Примо-ловские милиционеры» создали славу писателю.

Не экзотика уральского «Эльдорадо» привлекает внимание автора, а убеждество и тяготы жизни присюковых старательей, обогащающих кучку путя («Золотуха»), и первые проявления протеста заводских рабочих («Самородок»). С огромной

Иллюстрация из книги „Избранные сочинения“ Мануила-Сибиряка.

художественной силой описывает Мамин-Сибиряк участь людей, загнанных нуждой на приступы и тщетно пытающихся добиться хотя бы взаимности жизненного «благополучия».

Замечательны и рассказы посвященные жизни Зауральской деревни («Отрава», «Легкие», «Говорок»),

Williamson

Под редакцией Л. ГУГЕЛЯ

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ЗАДАЧ

Редакция журнала «Смена» объявляет второй международный конкурс составления двухходовых шахматных задач.

Первый конкурс «Смены», состоявшийся в 1932—1933 годах, явился, по отзывам советской иностранной печати, одним из сильнейших конкурсов последнего десятилетия. Он собрал лучшие силы шахматно-композиторского мира, продемонстрировал рост новых кадров.

выдвинул в ряды советских проблемистов новое пополнение.

Цель второго конкурса — собрать и довести до масс советских шахматистов лучшие достижения современной шахматной композиции; в соревновании с лучшими иностранными мастерами продемонстрировать техническую вооруженность и многообразие творчества советских композиторов, в большинстве своем молодежи; выявить новые кадры составителей задач.

Условия конкурса

1. На конкурс принимаются двухходовые задачи, найденные не опубликованые. Каждый автор может прислать неограниченное количество задач.

2. Задачи присыпаются вместе с решением, указанием фамилии, имени, отчества и подробного адреса автора. Каждая задача должна быть изображена на диаграмме (рисунке) с повторением повиницы в буквенной нотации.

3. Задачи на конкурс принимаются до 15 июля включительно. Адрес для присыпки — г. Москва, ул. «Правда», 24, комната 710, редакция «Смены», с обязательной пометкой «На международный конкурс».

4. Для лучших задач устанавливаются 8 призовых (1—500 рублей), 3—III, 15—II, 250—I.

IV—200, V—150, VI—100, VII—75 и VIII—50 рублей) и почетные отзнаки.

5. Пожало общих отзнак устанавливаются также 3 специальных книжных премии: одна — за лучшую поэзию на трех задачах; две — для начинающих проблемистов (ранее не получавших отзнак на конкурсе).

6. Присуждение премий производят жюри под председательством мастера М. Баргузина.

Результаты конкурса будут опубликованы в сентябре 1936 года в журнале «Смена», в шахматных отделах журналов СССР, Франции, Англии и других стран, а также будут разосланы всем участникам конкурса.

Редакция «СМЕНЫ»

Редакция «СМЕНЫ»

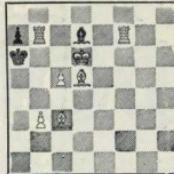
Изображение художника Н. Семёнова

Пушки в шахматном мире...

Задача № 17

Д. А. Чечкин (Воронежск. обл.)

Белые, начиная,ают мат в два хода.

Этюд № 8

М. А. Айвазян (Новосибирск)

Баллы, начисляя, выигрывают.
Фамилии читателей, приславших правильные решения.

Как играют наши пионеры

Шахматная игра в Солтекском сознании становится подиумом на народной игре. В шахматах играют и взрослые и дети. Среди последних уже всплыла тема шахматного талантования, сочетающая успешную учебу в школе с быстрым совершенствованием в шахматной стратегии.

Вот небольшая «детская» парадигма. Трудно поверить, что Азес Симонян, выигравший эту партию, только 14 лет: настолько ярко и энергично прошла он эта игра.

(Окончание на стр. 3)

ВЫПУЩЕН НА ЭКРАНЫ СОЮЗА

Экспромт
звуковой
художественный
фильм

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

производство
Мосфильм
1936 г.

в главных ролях:
Заслужен. арт. Республики
Ада Войчик.
Заслужен. арт. Республики
А. Горюнов.
Артисты: И. Малеев
А. Абрикосов

СЦЕНАРИЙ
К. ВИНОГРАДСКАЯ

ПОСТАНОВКА И
РЕЖИССУРА
И. ПЫРЬЕВ

ДИРЕКТОР
ПРОИЗВОДСТВА
Д. ГОФМАН

АССИСТЕНТ
РЕЖИССЕРА
А. ЛЕВШИН

ОПЕРАТОР
А. СОЛОДКОВ

ВТОРОЙ
ОПЕРАТОР
Т. ЛЕБЕШЕВ

КОМПОЗИТОР
В. ЖЕЛОБИНСКИЙ

ЗВУКООПЕРАТОР
В. ЛЕЩЕВ

ХДОЖНИК
В. РАХАЛЬС

Цена 85коп

